

ИЗБРАННИК СМЕРТИ

ЕВГЕНИЙ РЕШЕТОВ

Избранник смерти

«Автор»

2023

Решетов Е. В.

Избранник смерти / Е. В. Решетов — «Автор», 2023

Смерть... её сила жжёт изнутри мои глаза, которые без страха смотрят на непривычные пейзажи дореволюционной Российской Империи, встретившей меня кровавым конфликтом двух семей магов. Я попал в самый центр этого противостояния. А ведь помимо него где-то во мраке прячется таинственный кукловод, приведший меня в этот мир. Он скалит зубы и тянет к моему горлу холодные пальцы. Но я не привык играть по чужим правилам и смиренно ждать смерти... Мы ещё посмотрим, кто из нас будет дьявольски хохотать, упиваясь своей победой.

© Решетов Е. В., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Пролог	5
Глава 1.	12
Глава 2.	17
Глава 3.	22
Глава 4.	27
Глава 5.	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Евгений Решетов

Избранник смерти

Пролог

По ночному небу плыли перистые облака, порой скрывая любопытный глаз жёлтой луны. Скрипел ветками густой северный лес, а впереди, на поляне, высилась покосившаяся церковь из тёмных от прожитых лет брёвен. Луч моего фонаря выхватил из тьмы провалившееся крыльцо и безжизненно-чёрные окна, скалящиеся осколками стекла. Подле одного из оконных проёмов обнаружился перевёрнутый двухметровый деревянный крест. Видать, он когда-то сорвался с маковки единственного купола, да так и остался стоять, опираясь на стену, будто немощный старик.

Мишка ткнул пухлой рукой в сторону перевёрнутого креста и тихонько пробормотал, тряся вторым подбородком:

– Символ сатанизма.

– А ещё символ святого Петра, Ежов, – хмуро вставил я, вдыхая пахнувший хвоей влажный воздух. – Так что тебе конкретно нужно сделать, балбес?

– Войти внутрь и сфотографироваться возле алтаря, Андрей.

– Ясно, – кивнул я и добавил: – Не играл бы ты больше в карты на желания с этими хмырями из двести второй группы. Они там все заодно, скопом валят любого, кто сядет с ними играть. Надо будет завтра сказать им пару ласковых. Старшекурсник я или кто?

– Скучно же, вот и решил сыграть, – промямлил парень, отмахиваясь от назойливых комаров. – Сам знаешь, что интернет в этой глуши не ловит, а книжки все прочитаны, даже те, которые ты мне по-соседски давал. Только и делаю, что с утра до ночи лопатой машу. У меня уже спина не разгибается, а на руках мозоли больше, чем титьки у Аньки, ну, той, что с первого этажа нашего подъезда. У неё там ого-го! Размер четвёртый.

– А чего ты ожидал от раскопок? Это тебе не пикник у обочины, – усмехнулся я и подбодрил парня: – Зато теперь Игорь Владимирович на втором курсе экзамен тебе автоматом поставит.

– Угу, – уныло выдал Мишка, пугливо глянул на церковь и шумно сглотнул.

– Да не трясись ты так, будто из окна сейчас упырь выскочит и обглодает тебя до самых костей. Нет там никого, кроме мышей да белок. И то, насчёт белок не уверен. А вот мыши там точно есть: большие, серые и голодные. Вот они-то тобой закусить могут.

– Знаешь, Андрей, твоя ирония неуместна. Это из уютной петербургской квартиры не верится во всякую чушь, а вот ночью в глухом лесу перед заброшенной церковью потусторонняя чертовщина уже не кажется выдумкой. Откуда тут вообще церковь? Кто её построил? Бобры?

– Наверное старожилы где-то неподалёку жили, – предположил я. – Ну что, пошли спасать твою девичью честь или так и будем дышать свежим воздухом? Если не сделаешь фотку, то завтра тебя все засмеют. Так репутация и теряется.

– Постой. Дай собраться с духом, – умоляюще проговорил побледневший Ежов и доверительно признался: – Страшновато мне. Это ты всегда каким-то непробиваемым был, а уж после того, как у тебя сестра в том году погибла, так и вовсе будто жизнь ценить перестал. У тебя даже взгляд изменился: стал тяжёлым, мрачным. Иногда как зыркнешь на кого-нибудь, так человек аж бледнеет, – горячо прострекотал Мишка и вдруг спохватился: – Ой, наверное, я лишнего наговорил! Извини, Андрей. Это я со страху всякую чушь молочу.

Внутри меня всё заледенело, а перед глазами, как наяву, встала искорёженная машина. Не успел, не уберёг. Смерть младшей сестры стала для меня страшным ударом. Родители же ушли ещё раньше: мать от рака, а отец от инсульта.

– Андрей, ты чего молчишь? Ты же не обиделся? – спросил парень, растянув губы в заискивающей улыбке.

– Нет. Пошли, а то завтра вставать рано.

– Пошли. Только выпью для храбрости.

Ежов воровато вытащил из спецовки помятую алюминиевую фляжку, подрагивающими пальцами скрутил крышку и сделал несколько глотков, а потом весь сморщился и торопливо занюхал рукавом.

– Ух-х-х какая ядрёная штука, – мучительно протянул он, смахнув выступившую слезу. – Спирт с какими-то травами.

– Где добыл? – с любопытством спросил я, взяв тару из руки паренька.

– Денис откуда-то целую полторашку припёр. Только я тебе ничего не говорил.

Я кивнул и отправил в рот порцию огненной воды. Она скользнула по пищеводу, осела в желудке и оставила после себя терпкое послевкусие. Да-а, хорошая штука. Даже у меня чуть слезу не выбила. Но я сдержался и решительно двинулся к церкви, ступая берцами по высокой траве. Ежов нехотя поплёлся за мной.

Свет фонаря скользнул по брёвнам приблизившейся церкви и сорвал покров мрака с уродливых наростов и жёлтых плесневелых пятен, похожих на трупные. Они не вызвали у меня никаких эмоций. Я спокойно взошёл на останки крыльца и потянул на себя дверь, висящую на одной петле. Раздался жуткий скрип, ударивший по барабанным перепонкам.

– Гыгык, – издал нервный смешок Мишка.

– Не гыгыкай, а то тут всё рухнет, – предупредил я его и осветил фонарём внутрь церкви.

Пятно света пробежало по гнилым листьям и влажно поблескивающей грязи, а затем облизало забитые досками боковые окна и натолкнулось на алтарь, стоящий у дальней стены. К нему вели две цепочки следов, намекая на то, что кто-то тут уже побывал и всё закончилось для него благополучно.

Однако стоило мне войти внутрь, как под ногами опасно заскрипел пол.

– Иди чуть позади меня, чтобы не создавать большую нагрузку на доски, – приказал я Ежову и осторожно двинулся дальше, косясь на свисающую с потолочных балок паутину. Она вяло колыхалась, словно в такт нашим чавкающим шагам. А в проникающих сквозь дыры в кровле лучах лунного света танцевали пылинки. Алтарь же становился всё ближе и ближе. Мишка уже начал вытаскивать телефон, громко вдыхая тяжёлый воздух, пропитанный запахами перегоя, старого дерева и чернозёма. И тут вдруг под моими ногами раздался громкий треск, от которого мы с Мишкой мгновенно замерли. Моё сердце на миг остановилось, но потом снова продолжило свой бег.

– Ежов, не двигайся, если не хочешь поесть куты, – одними губами произнёс я, почувствовав бодрящий всплеск адреналина.

Парень заторможенно кивнул, уставившись перепуганными глазами на половые доски. А те вроде бы не торопились полностью ломаться. Может, всё обойдётся?

Однако в ситуацию, будто в дешёвом фильме, неожиданно вмешалась третья сила. В окно с громким карканьем влетел крупный ворон, принявшийся носиться по церкви.

– А-а-а! – тоненько завизжал Мишка и ринулся к двери.

– Стой! – завопил я, но мой крик потонул в душераздирающем треске древесины.

Пол провалился подо мной, и я ухнул во мрак. Но в последний момент мне удалось взмахнуть рукой и ухватиться за край половой доски. Моё тело закачалось над тьмой. Правда, уже через секунду конец доски, будто гнилой картон, в труху рассыпался под моими пальцами. И я полетел-таки в темноту, чувствуя сковавший тело ледяной страх.

Внизу меня ждало что-то каменно-твёрдое. От удара спину обожгло дикой болью, а из грудной клетки с шумом вылетел весь воздух. Попутно что-то хрустнуло в шее, отправив моё сознание в отпуск.

Но через какое-то время чувства вернулись ко мне. Глаза судорожно распахнулись, а рот широко раскрылся и сделал жадный глоток воздуха.

– Агх-х-х...

В голове быстро прояснилось, и первым делом я с превеликой осторожностью принял сидячее положение и подвигал конечностями. Странно, но ни руки, ни ноги не отзывались болью. Даже спина не застонала.

– Фартануло, – несколько удивлённо пробормотал я, бодренько встал и осмотрелся.

Вокруг царила первозданная темнота, а наверху более бледными мазками тьмы была нарисована дыра в полу. Она находилась где-то в десяти метрах надо мной. Нет, не допрыгнуть. Значит, придётся выбираться отсюда каким-то другим способом.

К сожалению, у меня под рукой даже не было источника света. Фонарик, судя по всему, разбился во время падения, а телефон я с собой не брал. Блин, а что если позвать паникёра Мишку? Кажется, я недолго валялся без сознания. Может, он недалеко убежал или вообще вернулся и стоит где-то наверху, стуча зубами от страха?

– Мишка! Ежов! – крикнул я, сложа руки рупором вокруг рта.

Ответом мне послужила звенящая тишина. Нет, всё-таки он уже далеко. Надеюсь, у него хотя бы хватит сообразительности привести сюда помощь. Да конечно хватит, не debil же он в конце концов! Так что к утру меня уже точно вызволят отсюда, а может, мне и самому скоро удастся выбраться.

Я вытянул руку, удостоверился, что впереди ничего нет, а потом ногой проверил наличие пола перед собой и лишь затем сделал деликатный шаг, а следом ещё один.

И вот передвигаясь таким образом, вскоре обнаружил покрытую чем-то склизким стену из камней. Пошёл вдоль неё и – о чудо! Натолкнулся на ступени! Они оказались вполне крепкими, каменными и вели наверх. Я начал подниматься по ним, ощущая нарастающее облегчение. Если строители этой церкви хоть немного были знакомы с логикой, то ступени должны привести меня к люку в полу. Всё так и вышло. В полу даже крышки люка не оказалось!

Благополучно выбравшись из подвала, я посмотрел в сторону выхода из злополучной церкви. Ну, ежели пойти возле стеночки, то можно сунуть пальцы в щели между брёвнами и остановить падение, если пол снова решит предательски провалиться подо мной.

Но на сей раз мне повезло. Пока я семенил к выходу, половицы даже не скрипели.

– Фух-х-х! – облегчённо выдохнул я, покинув церковь.

Луна за время моих злоключений вроде бы не сдвинулась с места, подсказывая, что я действительно недолго пролежал без сознания. Здорово! Может, мне ещё удастся нагнать Мишку, пока он не поднял панику в лагере?

Благо к церкви вела всего одна тропинка, поэтому Ежов только ей и мог воспользоваться. Вот по ней-то я шустро и двинулся в сторону лагеря.

Путь мне предстоял неблизкий, минут тридцать-сорок точно придётся убить, а уж страдающий ожирением Мишка должен потратить раза в полтора больше. Хотя его подгоняет страх. Нет, надо поднажать, чтобы точно настигнуть его. Я перешёл на лёгкий, экономный бег, внимательно глядя под ноги.

Но сегодня явно был не мой день. Через несколько минут появилась туманная дымка, которая быстро густела и касалась меня липкими, холодными щупальцами. Из-за неё тропинка почти скрылась из виду. И мне пришлось перейти на быстрый шаг, дабы не заблудиться. Туман же продолжал крепнуть ударными темпами.

Наверное, Мишка сейчас похож на Ёжика в тумане, он же ещё и Ежов. Я слабо усмехнулся, но сразу же посерьёзней и стал ещё внимательнее вглядываться в туман. А тот продол-

жал загадочно клубиться среди ветвей, служа невероятной пищей для моей богатой фантазии, подпитанной десятками прочитанных книг. Мне мерещились призраки, зомби и сверкающие жёлтыми глазами волки-людоеды. Хотя... нет, жёлтые огоньки мне не мерещатся, да ещё кто-то мощно шуршит неподалёку. Что это за фигня? Какое-то животное? Волкозавр девятьсот девяносто девятого уровня?

Я на всякий случай остановился и решил подобрать увесистый голыш. Однако, прежде чем мои пальцы коснулись его, огоньки пропали и вместо них среди деревьев полыхнуло так сильно, словно в паре сотен метров от меня загорелась цистерна с бензином.

– Твою мать! – ахнул я и тотчас услышал перепуганные женские крики. – Грёбаные косорукие туристы! Чем они костёр разжигали? Напалмом?!

Зло зашипев, я со всех ног рванул в сторону огня. Туман же будто решил помочь мне. Он слегка рассеялся, обнажив кусты и низко растущие ветки деревьев. Благодаря этому мне удалось вихрем пронестись по лесу и выскочить на поляну, где ревущее пламя жадно пожирало раскиданные тут и там головешки.

Поляна оказалась полностью безлюдной, но посреди неё обнаружили начерченные на земле линии, складывающиеся в пентаграмму. И эти линии были политы чем-то красным. А там, где обосновались углы фигуры, горели оплавившиеся огарки чёрных свечей. При этом в самом центре пентаграммы лежала тушка чёрного козла с перерезанным горлом!

– Какого хрена? Что тут происходит? – вскинул я брови, облизал губы и заметил на краю поляны обугленные брёвна, в которых угадывались останки давно сгоревшей сторожки лесника. – Эй?! Есть тут кто?!

Никто мне не ответил, но среди деревьев вроде бы мелькнул человеческий силуэт. И я, движимый смешанными чувствами, бросился за ним. Мои ноги заработали на пределе сил, однако мне всё равно не удалось догнать силуэт. Он куда-то в одночасье исчез, как и туман. А сам я спустя десяток секунд выбежал на крутой, высокий утёс, поросший разлапистыми деревьями. Внизу грохотала неширокая, но крайне бурная речушка, а на том берегу в окружении сосен творилась какая-то лютая дичь.

– Обосраться мне в штаны. Что за чертовщина? – ошарашенно протянул я, видя парочку мужчин, сражающихся в круге из сияющих сфер. Это какие-то японские технологии? Сферы висели над травой и походили на шаровые молнии, а сами мужики творили что-то невообразимое. Один швырялся огнём, а другой – молниями. А ещё парочка неизвестных внимательно смотрела на происходящее... волшебство.

– А-а-а, теперь всё ясно! Вот же меня накрыло, – понятливо прошептал я и заулыбался. – Видать, интересные были травки в настойке Мишки. Или я до сих пор без сознания лежу в подвале той церкви, а всё это бред? Или вообще сон?

Я хмыкнул и сильно ущипнул себя за предплечье. Хм... боли не было. Тогда я решил перейти к более кардинальным действиям и дал себе хорошую пощёчину. Но боль опять не появилась, да и бредовый лес никуда не исчез. Более того, я краем глаза заметил ещё одно действующее лицо. В паре метров от меня из тени высокой сосны вышел крепкого телосложения блондин лет семнадцати-восемнадцати. Он остановился на самом краю утёса. И серебристый лунный свет упал на его лицо с мягкими, безвольными чертами и какими-то коровьими глазами.

Паренёк безучастным взглядом посмотрел на битву магов и надел смятый цилиндр, удивительно гармонирующий с перепачканной землёй жилеткой, порванными на колене брюками и галстуком-бабочкой.

– Эй, дружище! – бросил я ему.

Он сделал вид, что не услышал меня. Хлюпнул носом, перекрестился и занёс ногу над обрывом.

– Стой! – истошно заорал я и рванул к нему.

Однако самоубийца и на сей раз не обратил на меня никакого внимания. Он шагнул-таки с утёса, но я успел схватить его за плечо... точнее, не схватить, а проникнуть в плечо. Моя рука вошла в тело парня, словно была из тумана. А потом мир закружился перед моими глазами, в ушах заревел ветер, а изо рта вылетел громкий вопль:

– Твою мать!

Я падал прямо на здоровенные, гладкие камни через которые перекатывались бурные воды реки! Ещё миг – и моя башка разлетится кровавыми ошмётками! Страх ледяной хваткой вцепился в моё нутро, а душа с невероятной силой захотела стать птицей. Но рождённый ползать – летать не может.

Моё тело с силой ударило об поверхность реки, и во все стороны метнулись брызги. Толща воды сомкнулась надо мной, а затем спина хрястнула об дно из мелких гольшей. Благо я каким-то неведомым чудом избежал удара головой о более крупные камни, но вот лодыжку обожгло дикой болью, стеганувшей по нервам.

Мощное течение подхватило меня и потащило по дну, будто ростовую куклу, а я даже не мог с ним бороться. Руки и ноги плохо слушались меня. Боль пронзала каждую клеточку моего организма, а глаза горели так, будто в них накапали соляной кислоты. В рот же вливалась вода, попадая в содрогающиеся лёгкие. А в голове носились мысли, которые принадлежали как будто бы не мне: железнодорожная станция, отчисление из Петроградского университета...

Однако, несмотря на всё это, мне удалось-таки вынырнуть. И тут же надо мной закружился непонятно откуда взявшийся ворон. Он начал каркать дурным голосом, пытаясь вцепиться когтями в мои волосы. И сквозь его карканье мне с трудом удалось расслышать голос какого-то подростка:

– Дедушка, поглядите! Человек в воде!

– Шустрее ветку хватай, Лавруша, да подлиннее. К берегу его вроде несёт. Сейчас мы его... Эй, за палку хватайтесь, молодой человек!

Я повернул голову на крики и сквозь стекающую по лицу воду увидел седого дедка в сюртуке. Он неуклюже бежал по берегу и постепенно отставал от прыткого рыжего подростка, который уже скакал по мелководью, протягивая мне длинную ветку.

– Хватайтесь, сударь, иначе вас об камни зашибёт! – звонко прокричал пацан, одетый так, словно решил сыграть роль дореволюционного дворянина. – Течение слишком сильное! Я не вытащу вас, ежели не ухватитесь как следует за ветку!

После его слов всё моё существо страстно возжелало схватиться за эту чёртову ветку. Я изо всех сил принялся грести, преодолевая бурный поток и боль в лодыжке. Хорошо хоть мерзкий ворон куда-то делся. Но вот волны продолжали захлёстывать меня, бить в глаза и уши. Однако я упорно плыл к ветке. И вскоре мои пальцы потянулись к ней. Я ухватился за самый кончик, но очередная волна ударила меня вбок и потащила дальше, заставив пальцы соскользнуть с ветки.

Немой крик разочарования разорвал мою голову, вторя воплю паренька. Однако я не привык сдаваться. В груди вспыхнула злость, придавшая мне сил. И я снова поплыл к ветке, которую отчаянно протягивал рыжий.

– Тянитесь! Тянитесь, сударь!

На этот раз я сумел крепко ухватиться за ветку, вызвав радостный возглас пацана. Он тут же начал пятиться, увлекая ветку за собой и вытаскивая меня на мелководье. А здесь уже подоспел и дед. Он зашёл в воду по колено, схватил меня за плечи и затащил на берег, где сразу же принялся судорожно кашлять, избавляясь от воды, попавшей в лёгкие.

Подросток склонился надо мной и испуганно ахнул:

– Дедушка, вы поглядите какие у сударя глаза! Чисто две ледышки!

– Батюшки святы, Лаврентий, мастера смерти мы выловили! – удивлённо прохрипел благородного вида старик, топорща седые бакенбарды. – И как на Михаила похож, но тот рыжим был, а сударь – блондин.

– Блондин? Так я же брюнет, – сумел выдавить я, воздев себя на четвереньки.

– Вы чего-то путаете, – проговорил дедок. – Ваши волосы такие же светлые, как первый снег.

– Какого хрена... – выдохнул я, протёр горящие огнём глаза и подполз к небольшой спокойной луже, блестящей в свете луны. Конечно, это было далеко не зеркало, однако даже так мне удалось понять, что из лужи на меня смотрит тот самый паренёк, бросившийся с утёса! Твою мать! Что вообще происходит?!

Я стал спешно ощупывать себя, трогать влажную землю и усиленно вдыхать воздух, пахнущий сосновой смолой и шишками. А когда коснулся лодыжки, то едва не завыл от боли, прострелившей плоть. Такая боль точно должна была выкинуть меня из сна или бреда, но ничего не произошло. Офигеть, неужели это реальность? Но как? Как?! Как я сюда попал, да ещё и в чужое тело? И где я вообще?! Что это за местность? И почему эти люди так странно одеты?

– Друзья, товарищи, господа, что это за область? Как называется ближайший город? – судорожно прохрипел я, глядя на спасшую меня парочку. У обоих были крупные черты лица, раздвоенные подбородки и карие, встревоженные глаза.

– За лесом Гать, а Петроград в нескольких часах пути, – удивлённо прострекотал паренёк, помедлил мгновение и осторожно добавил: – Нынче конец лета тысяча девятьсот двенадцатого года от Рождества Христова или пятьсот шестого года от Рождения магии. Российская империя. Вы чего же? Не помните, где находитесь?

– Не понимаю, ничего не понимаю, – схватился я за голову.

Да как такое могло произойти?! Или это какой-то грандиозный розыгрыш? Нет, эти двоим совсем не походили на гениальных актёров. Их эмоции, устаревший говор, манера держаться – во всём сквозила обыденность. Они не играли, а действительно были такими! Неужели я и вправду в другом мире? Именно в другом, а не попал в прошлое. Ведь в моём родном мире магии не было.

– Сударь, вам бы в тепло, пока вы не простудились, да и лодыжка ваша странно вывернута, – проговорил старик, распространяя вокруг себя сильный запах табака. – И это... вы действительно не знаете, куда попали?

– Не помню, практически ничего не помню, – выдохнул я, решив пойти по давно проторённой всеми попаданцами тропке. – Я будто с луны свалился, да прям в реку. Пади нечасто такое происходит в ваших местах? Или часто? Может, вообще забредают господа из других миров?

– Нет, сударь, вы чего? – выгнул брови дед, подтверждая то, что в этом мире технология переселения душ, так же «развита», как и в моём. – Какие другие миры? Не бывает у нас ничего такого. Призраки вот только иногда шастают, но то шибко редко происходит. Я за свою жизнь только одного и видал.

Призраки? А не был ли я призраком, прежде чем попал в это тело? Но когда меня угораздило стать им? Может, смерть настигла меня в церкви? Вполне возможно. Но что послужило транзитом в этот мир? Лес? Туман? Поляна с пентаграммой? А что, если имеется возможность вернуться домой? Вдруг тропка, ведущая назад, всё ещё открыта? Мне стоит найти её, а уже потом думать, что ждёт меня дома: изломанный труп, жизнь в роли призрака или что-то ещё.

– Господа, отведите меня на тот утёс, с которого я упал!

– Дык, как же вы, сударь? У вас вон лодыжка распухла вдвое. Кажется, всё-таки перелом, – прохрипел старик, продемонстрировав жёлтые зубы заядлого курильщика.

– Иван Макарович, – по имени-отчеству обратился к деду паренёк, тревожно поглядывая в ту сторону, где за деревьями сражались маги. – Там ведь это... Всеволод. Надо бы глянуть, что с ним. Чего-то я более не вижу отблесков магии. Кажется, дуэль закончилась.

– Лавруша, беги, глянь украдкой, кто победил, а я сударю помогу, – быстро проговорил побледневший от тревоги старик и облизал губы.

Паренёк стрелой помчался по берегу реки, чьи бурные воды отражали лунный свет. А я вдруг услышал отдалённый раскат грома, который будто встряхнул мою черепную коробку. Говорят, что за секунду до смерти перед глазами проносится вся жизнь, так вот перед моими глазами за доли секунды пронеслась вся жизнь Гаврилы, бывшего хозяина этого тела. И после увиденного «фильма» моя новая оболочка решила брыкнуться в лужу.

– Эгей, совсем вам плохо, сударь, – просипел Иван Макарович, вытащив из лужи моё безвольное тело с гаснущим разумом. – Я вас в свой дом снесу. У меня поживёте покамест, раз с вами такая беда стряслась. А на утёс опосля сходите.

Глава 1.

В моей памяти, по понятным причинам, не отложилось то, как Илья Макарович притащил меня в свой дом. Однако все остальные дни в этом мире мне запомнились хорошо. Первое утро после переноса началось с того, что я очнулся от сиплого голоса местного мага-лекаря, старающегося не смотреть в мои глаза. Он заверил меня в том, что уже через неделю-другую от моего перелома не останется и следа. Ясный фиг, что на одной ноге я не мог поскакать на тот утес, потому мне пришлось на время забыть об этом путешествии.

Однако проведённое в постели время весьма благотворно сказалось на мне. Я за пару дней сумел преодолеть стадию отрицания, перестал изумленно охать и задушил рефлексию, а потом перешёл к жадному познанию нового мира. Мой рот принялся фонтанировать вопросами, на которые отвечал Иван Макарович и его немногочисленные домочадцы. На бытовые темы я мигом получал развёрнутые ответы, а вот что касалось путешествий между мирами, обмена телами, странных церквей... тут возникли проблемы. И пусть в лоб я ни у кого ничего не спрашивал, однако даже ответы, полученные на завуалированные вопросы, позволили понять, что во всём мне придётся разбираться самому, как Алисе, угодившей в кроличью нору. Никто ничего не знал о том, что случилось со мной, а я страстно хотел разобраться в этом и выяснить существует ли путь домой.

И ещё моя душа до боли жаждала познать магию, раз уж подвернулся такой грандиозный шанс. Кто не мечтал стать магом?! Поэтому я с огромным азартом принялся изучать магию. Зарылся в книги и внимательно выслушал все наставления Ивана Макаровича, дивящегося тому с какой лёгкостью мне удаётся овладеть магией. В этом теле вместе с даром мага смерти будто бы проснулся и какой-то магический гений.

А когда я смог встать с кровати, то сразу же отправился с Лаврентием на поиски той полянки. Ведь жгущие меня калёным железом вопросы требовали ответов.

Мы с парёнком покинули особняк Ивана Макаровича, перешли по мосту чуть не убившую меня реку и принялись искать поляну. Однако та не торопилась показываться. Наш дуэт час за часом бродил среди деревьев и активно отмахивался от назойливых комаров, чей противный писк весьма органично вплетался в музыку густого хвойного леса, одуряюще пахнущего шишками, чернозёмом и древесной смолой.

Постепенно недружелюбное небо затягивали чернильные сумерки, а Лаврушка всё громче устало хрипел, будто загнанная лошадь, прищипоренная смелым ездоком. Он совсем повесил голову и едва переступал ногами. И, в конце концов, парень не выдержал. Уселся на поваленное дерево, облегчённо вздохнул и задал мне вопрос, который наверняка уже давненько крутился на его бойком языке:

– Андрей, куда же подевалась твоя полянка? Ты же сказал, что она где-то рядом с утёсом.

– Шут её знает, она ведь и правда была около утёса. А теперь исчезла, словно клофелинщица на утро.

– Да что ты такое на ней оставил, раз готов целый день грязь ногами месить? – выдохнул младший Астафьев, обращаясь ко мне на «ты». Мы с ним за это время хорошо сдружились, хотя он со старшим братом всего пару раз навещал деда.

– Не помню. Ты же знаешь, что память ко мне так и не вернулась, – привычно соврал я. – Но что-то тянет меня туда. Поляна – это последнее, что мне запомнилось. Видать, на ней-то меня и угораздило потерять память. А может, и падение с утёса выбило из моей головы всё, кроме этой поляны.

– Хм-м-м, – тяжело вздохнул Лаврентий, нахмурил брови и вдруг сказал: – Ты говорил, что на той поляне были головешки какого-то домика... Мне вот тут вспомнилось, что по тому году вместе со своей хатой сгорела лесная отшельница. То ли сама где-то недоглядела за огнём,

то ли поджёт кто. Неведомо. Только она жила много дальше от города, чем ты рассказываешь о своей полянке.

– Ну-ка, ну-ка, – заинтересовался я и поглядел на иссиня-чёрный клочок неба, виднеющийся между веток. – Пошли, по дороге расскажешь. Возвращаться уже надо, а то совсем стемнело. Потом эту поляну поищем.

– А может, в трактир зайдём? – с энтузиазмом предложил Лаврентий, встав с поваленного дерева. – Там отменное пиво подают.

– Давай, зайдём.

– Вот это дело! – обрадованно сверкнул крупными зубами парень и пошёл за мной по раскисшей тропке. – Отшельница та в Чернолесье жила. К ней девки бегали чуть ли не со всех окрестных селений. Кто-то дабы погадала на суженого, а кто-то – и вытравить нежеланный плод. Дурные дела та отшельница делала, вот боженька её и наказал под старость лет.

– Хм-м, – задумчиво протянул я, чавкая грязью под ногами.

Может ли погибшая в том году лесная старуха иметь отношение к моему переносу сюда? Вряд ли. А вот поляна... поляна действительно какая-то странная. То ли она каким-то чудесным образом исчезла, то ли я в ту ночь пробежал гораздо большее расстояние, чем мне казалось. И если правдив второй вариант, то тогда поляну следует искать глубже в лесу. А может, и вообще её не надо искать. Что она мне даст? А вот тех, кто нарисовал пентаграмму, их бы надо найти. Но как? У меня нет ни примет, ни имён. Только женские крики. Мда-а, задачка.

Я принялся размышлять над ней, но какие-то гениальные идеи упорно игнорировали мою голову. А потом мне стало не до размышлений. Тропинка привела нас с Лаврентием на холм и дальше круто побежала вниз. Пришлось изрядно напрячься, дабы спуститься на своих двоих, а не кубарем скатиться со склона, возле которого и раскинулась Гать. Такое нехитрое название носил провинциальный городок с погрязшими в мракобесии горожанами, низенькими бревенчатыми домиками и полнейшей антисанитарией. Более забытого богом места мне ещё никогда не доводилось встречать. Тут имелся только один плюс, который всегда находил наш человек, – ты посмотри природа-то какая-я! Да-а, этого у Гати было не отнять. Дома стояли буквально у леса.

Мы с Лаврентием пошли по утопающей в грязи немощёной улочке, но буквально через пару метров парнишка торопливо напомнил мне:

– Андрей, ты бы это... очки-то надел. Дед же тебе говаривал, что простолюдины и даже некоторые особо суеверные дворяне боятся таких магов, как ты. Многие считают вас посланцами самой Смерти и даже пугаются ваших прикосновений. Ежели трактирщик поймет, кто ты такой, то точно после тебя сожжёт всю деревянную посуду. А по городу разнесётся молва, что у Астафьевых маг смерти живёт. Всеволод считает, что тогда простой народец может побояться на нас работать.

– Ты мастер уговаривать. Все девки с ушами будут твоими, – усмехнулся я и нацепил на нос круглые очки с чёрными стёклышками. Их мне выдал Иван Макарович. И он же подарил старенький сюртук, шейный платок, брюки и котелок. Чувствовал я себя в этих шмотках глуповато, но здесь подобным образом одевалось большинство дворян, а меня старший Астафьев отнёс именно к их числу.

– Да, так лучше, хоть и странно ходить вечером в подобных стёклышках, – удовлетворённо кивнул Лаврентий и ускорил шаг, словно ему не терпелось поскорее добраться до цели нашего пути.

Трактир показался довольно быстро, но паренёк с ходу не влетел в него, а неожиданно сбился с шага. Его взгляд прикипел к мужику лет тридцати в чёрной робе и с картузом на голове. Незнакомец в свете масляного уличного фонаря гладил по голове лошадь, запряжённую в телегу. Однако спустя миг мужик словно почувствовал взор Лаврентия, посмотрел в сторону

паренька, судорожно кивнул и шустро двинулся прочь, будто резко вспомнил, что у него там родимый дом горит.

– Что это сейчас такое было? – изогнул я бровь и глянул на помрачневшего Астафьева.

– Батрак Петровых, – нехотя сказал тот и поправил рукав сюртука. Парень ещё утром надел его вместо привычной светло-голубой гимназисткой формы с медными пуговичками и стоячим воротником.

– Петровых? Тех самых дворян, чей сын пал от руки твоего старшего брата Всеволода? Илья Макарович неохотно говорит об этом, посему мне практически ничего не известно.

– Да-а, дед такой. Он только по ночам шибко разговорчив. Храпит так, что святым тошно, – невесело пошутил парнишка и вошёл в трактир.

Внутри нас ждали громко разговаривающие бородатые мужики, керосиновые лампы и полыхающий в камине огонь. А ещё в центре зала шурушал иглой медный граммофон, извлекающий из пластинки бравурную музыку. Она летала под низким, закопчённым потолком вместе с сизым табачным дымом, который так сильно защекотал мои ноздри, что я непроизвольно чихнул.

– Будь здоров, – бросил Лаврентий, уселся за свободный стол у окна и крикнул расторопному малому в переднике: – Эй, половой, принеси две кружки пива и пару рыбин сушёных прихвати!

Через минуту местный официант грохнул кружками об стол, поставил тарелку с дарами речки и удалился. А я сдул густую пену и пригубил хмельной напиток. М-м-м! Действительно, отменное пиво! А вот Лаврентий, прежде так желавший глотнуть пенного, начал мрачно цедить его, словно оно изрядно горчило.

– Всё о Петровых думаешь? – спросил я, сноровисто чистя рыбу. – Считаешь, что они будут мстить за смерть одного из них?

– Угу. Мы давно враждуем, так что мне известны их звериные повадки.

– А из-за чего дуэль-то приключилась?

– Всеволод и Игорь Петров повздорили из-за барышни, Устиньи Аристарховны. Её папенька дал Всеволоду позволение жениться на ней. А тут этот выродок Петров, как коршун налетел: тоже, говорит, она мне по сердцу пришлась. Да только вот что я тебе скажу, плевать ему было на неё, он просто нашему роду подлянку хотел сделать. Ну и вызвал его Всеволод на дуэль. А Петров, хитрый змей, взял, да и сказал, что магией биться будем, а у него-то ступень дара поболее была, чем у брата моего. Дед же решил поглядеть тайком, как дуэль пройдёт. И я с ним увязался, а тут ты. Мы пока тебя из реки вылавливали, Всеволод-то и отправил Петрова к праотцам в Ад.

– А почему ночью-то они сражались? Днём стыдно было?

– Да это Устинья Аристарховна настояла. Мол, вы дерётесь из-за меня, так и деритесь в полночь, так поэтичнее будет. Она вообще не большого ума и красоты сударыня, но хотя бы говорить умеет, правда, в её случае это скорее минус.

– Так что же Всеволод в ней нашёл? Или ты привираешь? Может, не так уж она и плоха, а? – оскалился я, подначивая парня.

– Я? Привираю?! – оскорбился Лаврушка, вздёрнув нос. – Да она хоть сейчас может двери Преисподней охранять! А Всеволоду ясно, что от неё нужно. Мы, Астафьевы, магически вырождаемся, а у неё начальная ступень дара – третья.

– Выходит, Всеволод только ради потомства решил жениться на ней? – резюмировал я и глянул на мутное окно, в котором начал робко стучаться дождь.

– Ага. У нее-то начальный дар на одну ступень выше, чем у брата моего. Вот поэтому Всеволод так и ухватился за эту сударыню. Она важна для всего нашего рода. Без магически сильных женщин мы можем скатиться до простолюдинов с их первой ступенью.

– Ну, у простолюдинов нечасто просыпается магический дар, а ещё реже они его развивают, – педантично напомнил я и снял запотевшие очки, чтобы протереть их.

– Надень, надень скорее, – горячо зашептал Лаврушка, стараясь не смотреть в мои почти прозрачные глаза.

Я вернул очки на нос и иронично проговорил, кивнув на рыбу, одиноко лежащую на деревянном блюде:

– А ты чего не ешь? Ждешь, когда она предложит тебе три желания исполнить?

– Чего? – не понял парень, выгнув широкие мазки рыжих бровей. – О каких ты желаниях говоришь?

Блин, совсем забыл, что в этом мире нет тех сказок, событий и исторических личностей, к которым я привык со школы. Здесь в Америке высадился не Колумб, Петроград назвали в честь другого Петра, а о Первой русской революции тут ещё не слышали. В целом же эта Земля здорово напоминала мою родную: здесь имелись те же страны и народы. И даже, наверное, где-то была сказка, похожая на ту, что написал Пушкин, но Лаврентий, увы, её не знал, из-за чего мне пришлось махнуть ему рукой – дескать, не бери в голову. А затем нам вообще стало не до разговоров...

Мужики в дальнем углу потребовали вырубить граммофон и хрипло затянули какую-то застольную песню. Прочие посетители охотно поддержали её, да так усердно, что аж испуганно затрепетали огоньки керосинок.

– Пойдём, пока не оглохли. Орут, как коты на заборе, – сказал я Астафьеву, встал со стула и бросил на блюде двугривенник.

– Пошли, – кивнул парень и удивлённо глянул на монету с двуглавым орлом.

– В карты обыграл лекаря Кузьму Ивановича, но он сам отказался играть на интерес, – с ухмылкой объяснил я происхождение денег.

– Ловок ты, Андрей, – цокнул языком паренёк и вышел из трактира.

На улице нас встретили глубокие сумерки и жёлтый рогатый месяц. Последний в ужасе прятался за чёрными тучами, дабы не смотреть на Гать, которая стала ещё более грязной после прошедшего лёгкого дождика.

Астафьев глянул вверх домов на мрачную громаду леса и решительно сказал:

– Сократим. Имеется тут хоженная тропка. Я ей частенько пользуюсь, когда хочу побыстрее дома очутиться.

Паренёк не соврал. Действительно, стоило нам пересечь улицу и пройти между хатами, как перед нашим дуэтом предстала извивающаяся тропка. Она убегала в темноту леса и трусливо петляла среди деревьев.

– Жаль, фонарь не взяли, – посетовал Лаврушка. – Ну, ничего, и так дойдём. Тут недалеко.

Я снял очки и двинулся за ним, прислушиваясь к каплям, срывающимся с веток. Они выстукивали о лесную подстилку затейливую мелодию. Однако вскоре её ритм нарушило какое-то шебаршение, словно где-то впереди, за кустами можжевельника, завозился зверь. Звук быстро пропал, но паренёк тоже услышал его и остановился. А я затормозил позади Лаврушки, возвышаясь над ним минимум на полголовы.

– Белка, что ли? – предположил Астафьев.

– Только если очень жирная. Как-то слишком много шума от такой небольшой животины, – пробормотал я, почувствовав некое напряжение, повисшее во влажном воздухе. – Давай-ка лучше другой дорогой пойдём...

Парень повернулся ко мне с громадным удивлением в глазах и раскрыл рот, решив возразить – мол, ты чего? Испугался какого-то шороха? Но я пронзил его фирменным взглядом, и он со стуком захлопнул варежку. А затем кусты снова зашуршали и из них, метрах в десяти

от нас, выбрались две крупногабаритные фигуры, а ещё одна фигура появилась на пару метров ближе.

Засада? Да, она самая, и мы едва не угодили в неё. Прошли бы чуть дальше и оказались между теми двумя быками и этим субтильным пареньком лет двадцати, чьё лицо практически скрывал лесной мрак.

– Сударь Лихов?! – всё же узнал субтильного Астафьев и тут же издевательски добавил: – Чего же вы по кустам рыщете, Алексей Иванович? Шишки ищете? Вам уже не хватает на пропитание тех крошек, кои падают со стола Петровых?

– У них богатый стол, в отличие от вашего. Всем хватит. А я к тому же сижу за ним, как равный, – глумливо выдал паренёк, значительно проигрывающий в росте подошедшим к нему амбалам. – А кто это с вами? Тот самый пришибленный на голову, чьих родственников разыскивает ваш дед? Видать, ничтожный он человек, раз никто до сих пор не откликнулся. Или же бродяга какой.

– Бродягу вы в зеркале увидите, сударь – мрачно выдал я, столкнув брови над переносицей.

– Чего ты твякаешь, щенок беспризорный? Лучше прикуси язык, пока я его тебе не отрезал! – злобно выпалил Лихов, перейдя на оскорбительное «ты». Дворянина называть на «ты» могли только близкие друзья или родственники.

– А ты, видимо, сраный кот с девятью жизнями, да? В кустах заблаговременно искал место, где тебя в коробке похоронят? Впрочем ты озаботился этим делом. Слышал примету, что если чёрный кот перейдёт человеку дорогу, то его ждут неприятности? Так вот у котиков есть своя примета, связанная с блондином, перешедшем дорогу коту. Смекаешь?

Нет, Субтильный не смекнул. Он просто ожёг меня злым взглядом и с мерзкой улыбочкой бросил Лаврушке:

– Знай, что твой старший братик скоро поплатится за смерть Игоря Петрова.

– Он победил его в честной дуэли! – выкрикнул Астафьев, негодуя сжав руки в кулаки.

– Не бреш! Всеволод – щегол по сравнению с Игорем Алексеевичем. Он был магически сильнее любого Астафьева. Где-то твой бесчестный братец смухлевал! Как пить дать, смухлевал! – яростно проорал Лихов, медленно надвигаясь на моего спутника. – Жаль, что остальные Петровы были в другой части Империи, когда случилось это вероломное убийство! Но теперь они возвращаются! Чувствуешь, пахло кровью в воздухе? Это пахнет кровью твоего брата и... твоей. Почему бы мне прямо сейчас не преподать урок тебе и увальню за твоей спиной?!

Глава 2.

Морда Лихова внезапно потеряла все эмоции, а из его правой руки вылетел бледно-голубой туман, который быстро превратился в подобие полупрозрачного шара. «Воздушный кулак» понёсся к груди растерявшегося Лаврушки, однако я толкнул его в сторону, а сам железной рукой отбросил в сторону все чувства, моментально скользнул в магический транс и выбросил из правой ладони безжизненно-серый туман. «Развеивание» рваной паутиной ринулось навстречу «воздушному кулаку». И когда заклинания столкнулись, то ярко вспыхнули, уничтожив друг друга. Вспышка была такой силы, что свет выхватил из темноты упавшего в траву Лаврентия и дотянулся до изменившегося в лице Лихова.

– Мастер смерти! – непроизвольно ахнул Субтильный, увидев блеснувшие на моём лице светло-светло-серые глаза.

– Батюшки святы, мастер смерти! – вторили ему амбалы и синхронно перекрестились, а потом ещё и поплевали через плечо.

Здоровяки едва портки не обмочили. И даже Лихов изрядно оторопел, но скорее от неожиданности, чем от страха. Всё-таки дворяне были не такими суеверными, как простой народ.

Лаврентий же воспользовался заминкой Лихова. Он с рычанием вскочил с травы, бросился на дворянина и повалил его. Они принялись кататься по траве, вопя и нещадно мутузя друг друга кулаками.

Один из амбалов подался в сторону дерущихся, но я выразительно глянул на него и приподнял бровь. Он сразу же расплылся в угодливой улыбке и сделал шаг назад, встав около второго здоровяка. А тот предпочёл притвориться ветошью, еле слышно бубнящей молитву. И это было самое лучшее поведение для простолюдина, попавшего в такую ситуацию.

Между тем Лаврентий с Лиховым скатились в лужу, где на них упал лунный свет, с трудом пробивающийся сквозь разлапистые ветви сосен. Перекорёженную физиономию Субтильного уже украшал разбитый нос и длинная, кровоточащая царапина на лбу. А у Астафьева на щеке красовался след от зубов. В глазах же полыхало страстное желание вбить Лихова в землю. Возможно, именно это желание и помогло ему оседлать противника.

Лаврентий принялся бить Субтильного по роже, яростно брызжа слюной и хрипя:

– На! Получай, скотина! Чьей теперь кровью пахнет?!

– Я убью тебя, сучоныйш! – провизжал в ответ окровавленный урод, закрываясь руками и вертя башкой.

Лихов превратился в обычного человека, ведь в подобной ситуации даже опытный маг с трудом смог бы войти в магический транс, что уж говорить о таком юнце. В обычной же драке Субтильный оказался слабее Лаврушки, который мгновение назад ещё раз угодил в его хрустнувший нос. Однако это был последний весомый успех Астафьева. Его удары замедлились, а изо рта стало вылетать усталое сипение.

И тут уже я вступил в игру. Схватил спутника за плечи, стащил его с мага и весомо проговорил:

– Лаврентий, прекращай, ты победил. Прояви благородство и пощади своего оппонента. Он, кажется, уже напрудил в штаны.

– Лихов, передай Петровым, что Всеволод победил в дуэли честно! Пусть они спросят секундантов! – прокричал паренёк, не пытаясь вырваться из моих рук.

– Поганец, – простонал Субтильный и с трудом встал на ноги. Он весь был в грязи, а по его лбу и подбородку стекала кровь. Зенки же горели, точно угли.

– Ещё хочешь?! – выхаркнул Астафьев, раздувая крылья носа.

– Лаврентий, остынь. А ты отвечай, когда придут Петровы? – холодно спросил я у мага, которого после пережитого унижения была крупная дрожь.

– Скоро! Скоро! И тебя они тоже накажут! Можешь не сомневаться! Им плевать на то, что ты мастер смерти! – истерично выпалил Лихов и попытался плюнуть в мою сторону, но слюна повисла на его подбородке. Он нервно отёр её рукой и со всех ног бросился прочь, вереща на бегу: – Вы мертвецы! Копайте могилы!

– Какой же мерзкий тип. Мне аж помыться захотелось, – брезгливо процедил я, глянув вслед скрывшему среди деревьев уроду.

– А Петровы ещё мерзее, – зло прошипел Лаврентий, подобрал валяющийся в траве котелок и приказал быкам: – Пошли прочь, мордофили!

Они благодарно покивали и тут же свалили, тяжелою топая ногами. Да и нам пора идти. Я махнул Астафьеву и двинулся по тропинке. Под подошвами ботинок снова зачавкала грязь, которой аккомпанировал шум капель, срывающихся с деревьев. Да ещё паренёк рядом запыхтел. Он на ходу принялся лопухом оттирать перепачканный сюртук, но вскоре раздражённо бросил это занятие.

– Нет, гиблое дело. Дай бог ежели служанки справятся с этой грязью, – Лаврентий на пару секунд замолчал, а потом продолжил, но уже с горячими нотками гнева: – Всё-таки каков же пёс этот Лихов! Ходил по городу тише воды, ниже травы, а сейчас осмелел, почуяв приближение Петровых.

– Ага, гад ползучий. А какая у него ступень? – спросил я и отодвинул ветки, низко нависшие над тропинкой. Они будто так и норовили выколоть кому-нибудь глаз.

– Восьмая. Повезло, что он растерялся, когда понял, что ты мастер смерти, иначе бы нас с тобой побили самым позорным образом, – мрачно сказал паренёк. – Ты бы не справился с ним. Мы хоть пока и не знаем какая у тебя ступень, но дед говорит, что она вряд ли выше третьей. Э-эх, когда уже у меня проснётся дар?

– В семнадцать лет, как и у всех магов. И будешь ты на радостях огненными шарами кидаться направо и налево. Сарай какой-нибудь точно спалишь.

– Да у меня небось откроется дар второй ступени, – печально вздохнул Лавруша. – А что такое вторая ступень? Приличные дворяне начинают с третьей. Да и кто такой по нынешним меркам огневик? Один из многих, а вот мастер смерти – это да! Вас даже в Петрограде мало, а это столица Империи.

Да, тут Лаврушка был прав. Мастеров смерти действительно кот наплакал, а уж о том, что кто-то из нас появится в Гати, наверное, никто и подумать не мог. Это как увидеть Мадонну в Урюпинске. И пофиг какую именно Мадонну: ту, что поёт, или оригинал той, что с младенцем на руках.

Внезапно Лаврентий зацепился ногой за торчащий из земли корень, чертыхнулся, а затем с лёгкой завистью продолжил:

– Я когда деду телефонировал из Петрограда, так он мне говорил, что Андрей ох как шустро постигает магическую науку. В транс уже с открытыми глазами научился впадать, да и парой заклинаний овладел. А я, значит, не до конца ему верил. Думал, привирает он. Обычно ведь на постижение транс маг тратит почти полгода. И ежели бы не лекарь Кузьма Иванович, то я бы подумал, что ты старше, но он с апломбом заявил, что тебе семнадцать лет стукнуло по августу сего года.

Не мне, а моему нынешнему телу, чей бывший хозяин откликнулся на имя Гаврила. Он был единственным сыном мелкого купчика, и родители в нём души не чаяли, любили даже больше его младшей сестры. Батя с матеей во всём ему потакали, и когда парень проявил тягу к знаниям, то они не пожалели денег на книги и учителей. И всё в жизни Гаврилы было хорошо, пока не случилась беда. Сперва его папенька разорился в пух и прах, а потом пришла страшная болезнь, которая быстро унесла и отца, и мать, и сестру. А кроме них у парня не было никаких

родственников, да и внутреннего стержня у него, как оказалось, тоже не было. Удары судьбы привели его на тот утёс, а до этого он целый день в смертельной апатии скитался по лесу, но прежде его как безбилетника ссадили с поезда Петрозаводск-Петроград, а на станции кто-то украл последние вещи парня.

Вот такая трагическая судьба постигла Гаврилу. Вероятно, он даже не боролся за своё тело, в которое я случайно подселился. По крайней мере, мне ни разу не доводилось ощущать чьё-то присутствие в этой оболочке.

Вдруг Лаврентий таинственно спросил, прогнав витающие в моей голове мысли:

– В чём твой секрет, Андрей? Почему магия ластится к себе, точно верная собачонка?

– Всё дело в моём ангельском характере. Ты присмотришься, присмотришься. Видишь нимб над моей головой?

– Нет у тебя никакого нимба. И дело точно не в характере. Он у тебя колючий и ершистый. И ещё у тебя остроты порой злые и непонятные, – покачал головой младший Астафьев и следом за мной выбрался из леса на разбитую дорогу.

В сотне метров слева мигали огоньки городка, а справа из-за высокого деревянного забора выглядывал трёхэтажный дом из потемневших от времени брёвен. Это и было родовое гнездо Астафьевых. Оно оседлало небольшой лесистый холм, окружённый с трёх сторон корабельными соснами. Идеальное место для интроверта. Из соседей только белки и ежи.

Илья Макарович весьма неохотно покидал этот дом, даже несмотря на то, что к нему в гости редко кто навещался. Друзей у него практически не было, а весь род Астафьевых состоял всего из трёх человек: Всеволода, Лаврентия и, собственно, самого Ильи Макаровича.

Между тем паренёк открыл скрипнувшую калитку, и тотчас забрехали бдительные собаки, а из конюшни донеслось недовольное ржание. Я мельком глянул на конюшню и двинулся к дому по выложенной брусчаткой широкой тропинке. По бокам темнели хозяйственные постройки, а около каретного сарая, под навесом, уютно устроился чёрный автомобиль, похожий на выкидыш кареты и глазастого фольксвагена-жука на мотоциклетных колёсах. Одна из собак лаяла как раз из-под автомобиля, и лаяла она исключительно на меня, но напасть боялась, поскольку чувствовала мастера смерти.

Собачий лай заставил выйти на крыльцо старика в ватнике. Он всегда мёрз, даже в августе. Однако, несмотря на возраст, дедок обладал исключительно острым зрением бывалого охотника, бьющего белку со ста метров даже без ружья.

– Батюшки мои, сударь Астафьев, где это вы так измазались?! – ахнул старик, всплеснув сухонькими ручонками, напоминающими птичьи лапки.

– Неважно, Потап, – отмахнулся Лаврентий, скрипнув первой ступенькой крыльца. – Пригласи моего брата и деда в гостиную комнату, а я пока переоденусь.

Дедок потопал исполнять поручение дворянина.

И всего через четверть часа я уже восседал на софе рядом с Лаврушкой и лениво рассматривал сурового вида гостиную, освещённую керосинкой. С бревенчатых стен незряче глядели головы животных, а на дощатом полу раскинулись мохнатые шкуры, которые попирали ножками массивный дубовый стол.

Лаврентий уже рассказал Илье Макаровичу и Всеволоду то, что с нами произошло, и теперь в гостиной повисло тягостное молчание. Старик поглаживал роскошные бакенбарды, пыхтел курительной трубкой и поглядывал на старшего из внуков. А тот хмурил рыжие брови, сложив руки на мускулистой груди, скрытой тельняшкой.

Хорошая тельняшка. В моём мире с подобной одежкой в комплекте сразу же шла бутылка водки. Надеваешь такую тельняшку и спиваешься. Но Всеволод был не таков. Он на дух не переносил алкоголь и во всём пытался быть образцовым дворянином. Он даже спину держал идеально прямо, словно лом проглотил. И в этом ему, несомненно, помогла учёба в Морском кадетском корпусе.

Первым молчание нарушил именно Всеволод:

– Что же это выходит, Лаврентий? Видевший тебя на улице батрак доложил об этом Лихову, а тот, словно разбойник, устроил засаду на тропинке, коей ты часто пользуешься?

– Угу, – кивнул паренёк и посмотрел на брата. Тот был на четыре года старше него и физиономией ужасно походил на Лаврушку.

– Этот злодей Лихов не поведал, когда вертаются Петровы? – хриплым голосом спросил Илья Макарыч, уместившийся в таком же глубоком кресле, что и Всеволод.

– Скоро. Так он сказал Андрею, прежде чем убежал.

– Так чего же вы его не догнали?! – рыкнул старший из братьев и недобро глянул на меня. Он почему-то с первых же дней сильно невзлюбил мою скромную персону.

– Лихов очень лихо бегают, – с усмешкой скаламбурил я и прямо взглянул на Всеволода. Но он выдержал мой взгляд, лишь поиграл желваками – и всё. Досадно.

– Что ж, господа, будем исходить из того, что Петровы появятся в начале следующей седмицы, ведь нынче уже суббота, – прохрипел старик и поправил на внушительном животике завязки домашнего бархатного халата. – И мне мыслится, что они не станут рубить сплеча. Для начала захотят потолковать, а уж потом и будут решать, что им делать дальше. Мстить али нет.

– Я победил Петрова честно, – процедил Всеволод и снова метнул на меня нехороший взгляд.

– Честно, честно, – покивал дед и вытащил изо рта курительную трубку, но уже через миг она предательски выскользнула из его узловатых пальцев и упала на шкуру медведя. – Экий я стал неуклюжий!

– Илья Макарович, бросали бы вы баловаться табаком. В могилу он вас сведёт, – привычно пробурчал старший из братьев и шустро поднял курительную трубку. Но деду он её не вернул, а со стуком положил на стол рядом с костяной пепельницей.

– На всё воля божья, – философски изрёк старик и потёр глаза, спрятавшиеся в набрякших веках. – Сколько Он мне отмерил, столько и проживу.

– Побольше здоровье берегите, подольше и проживёте, – парировал Всеволод, обвёл тяжёлым взглядом всех собравшихся в комнате людей и решительно добавил: – А что касается Петровых, то я сам к ним пойду и поговорю. На этом всё!

Парень встал и энергичной походкой вышел из гостиной, словно не хотел сражаться с вероятными возражениями.

– И ты, Лавруша, ступай. Небось умаялся за сегодня, – ласково просюсюкал Илья Макарович и снова потянулся к трубке.

– Дедушка, ну чего вы со мной, как с маленьким? – недовольно буркнул Астафьев, поднимая зад с софы. – Мне же уже шестнадцать лет.

– Да, почтенный возраст, – иронично сказал дед и по-доброму улыбнулся.

Паренёк бросил на него недовольный взгляд и послушно удалился. А когда его шаги стихли, Илья Макарович показал мне жестом, дабы я прикрыл дверь. Мне не составило труда закрыть оную, после чего старик создал на ладони язычок пламени, с помощью него снова раскурил трубку, затаился и проговорил:

– Уже минуло много времени, а так никто и не откликнулся на розыск. А я ведь по всей форме в полицию обратился. Так мол и так, нашёлся человек, ничего не помнит, надо бы родственников отыскать, вот приметы и фотокарточка. Поговору и манерам – дворянин. Ан нет. Пустое. Думается мне, что через месяц-другой при таких же... кхем... «успехах» придётся тебе махнуть рукой на поиски семьи и зажечь своей жизнью. Однако ты не переживай. Имеется у меня одна мыслишка, как тебе помочь, но я её потом расскажу, – хитро сверкнул зенками старик и перевёл тему: – Привёз-таки Всеволод магограф. Поначалу не хотел конечно, когда узнал для кого везёт эту машинку, однако моего приказа не ослушался. Вон он в углу, в ящичке.

– Порой мне кажется, что я проснусь от того, что Всеволод душит меня подушкой, а на его губах играет по-детски радостная улыбка, – с усмешкой проговорил я и взял из угла комнаты ящичек, напоминающий кофр. Он оказался довольно тяжёлым, но мне всё же без труда удалось поставить его на стол и извлечь магограф. Последний оказался похож на внебрачного сына пишущей машинки и осциллографа. Это устройство позволяло определять степень магического дара. И у меня от предвкушения аж мурашки побежали по спине.

Я торопливо уселся на стул, положил руку возле магографа и нетерпеливо глянул на Илью Макаровича. А тот степенно достал из нагрудного кармана пенсне на цепочке, вставил его в глазницу и надел на моё запястье широкий металлический браслет из множества чешуек, связанных с магографом проводками. Потом старик сухо кашлянул в кулак и принялся довольно шустро крутить бронзовый рычажок, обнаружившийся на боку прибора.

Магограф закрипел, зажужжал, а вкрученная в него лампочка стала постепенно разгораться. Браслет же принялся щекотать мою кожу легкими электрическими разрядами. Блин, как бы не закоротило! Но вроде бы пока всё шло по плану. Из прибора медленно-медленно пополз листок с каким-то графиком. Ему потребовалось около десяти секунд, чтобы полностью выбраться из устройства. Тогда старик перестал крутить рычажок, взял листок и в величайшем удивлении уставился на график, будто шайтан-машина нарисовала пенис или карту сокровищ.

– Быть того не может! – наконец-то ахнул Илья Макарович, выгнув дугой седые брови. Пенсне тотчас патетично выскочило из его глазницы и упало на медвежью шкуру.

Глава 3.

Я глянул на ошарашенное лицо старого мага и тревожно выдохнул:

– Чего там, сударь? Вы будто Марию и Иосифа увидели во плоти.

– Кажется, магограф вышел из строя, – протянул тот, скомкал бумагу с результатом, задумчиво почесал подбородок и выдохнул: – А давайте-ка, Андрей, местами поменяемся.

– Давайте.

Старик с кряхтением уселся на стул и нацепил на руку браслет. А я начал усиленно крутить рычажок, благодаря чему снова загорелась лампочка и зажужжал магограф. Вскоре появился и листок с результатом. Илья Макарович цапнул его, поглядел на график и дёрнул головой, будто от пощёчины.

– Ничего не понимаю! Шестая ступень, как и должно быть. А ну-ка, Андрей, вертайся на стул. Ещё разок проверим тебя.

Мой зад снова оказался на стуле, а рука в браслете. Но и нынешний выплюнутый магографом результат поверг старика в шок.

Однако он на этом не успокоился и ещё три раза проверил меня, а потом буквально рухнул в мягкое кресло и лишь спустя пару десятков секунд разлепил бесцветные губы:

– Андрей, а как ты ощущаешь свой дар? Насколько он жаркий? Горит, как костёр?

– Где-то так, – расплывчато ответил я, начав подозревать, что у меня какая-то аномальная ступень.

– Ого-го! Значит, магограф и правда не врёт. У тебя, Андрей, аж двенадцатая ступень дара. И это ведь начальная ступень. Немыслимо! Просто невысказанно! Высшие аристократы рождаются с даром, чья начальная ступень равна пяти! А ты... ты... Мне даже трудно вообразить какой силой ты будешь обладать, ежели твой дар начнёт развиваться так же, как у других магов.

– Напомните, как он развивается? – нахмурил я брови, не зная то ли счастливо улыбаться, то ли вязать деда по рукам и ногам, дабы он никому не поведал о моей силе.

– Первоначальная ступень всегда в три раза меньше финишной. К примеру, Всеволод, имея начальный дар второй ступени, за несколько годков достиг шестой ступени и навсегда уткнулся в седьмую, точно в гранитную стену. И вот ежели твой дар станет расти подобным образом, то за несколько лет он может превратиться во что-то просто чудовищно сильное. Тридцать шестая ступень! Невероятно! – выдохнул Илья Макарович и следом слегка урезонил моё внутреннее ликование: – Однако твой дар, наверное, способен пойти и по иному пути. Он может перестать расти сразу же после пятнадцатой ступени. Выше неё ведь ещё никто не забирался, по крайней мере, официально. Даже Император, князья и другие высшие аристократы покорили только пятнадцатую ступень.

– Время покажет, что да как, – почти спокойно произнёс я, отчаянно сдерживая рвущуюся изо всех отверстий радость. Пятнадцатая ступень – это ведь тоже офигеть как круто!

– Мудрые слова, – покивал старик, вытирая ладонью выступивший на лбу пот. – Прими и мою мудростью. Крепко храни тайну своего дара, пока не поймёшь, что её раскрытие станет более ценным, чем сокрытие. А уж за меня не переживай. Клянусь честью, что от меня никто ничего не узнает. Будь покоен, я умею держать язык за зубами. А ежели чего, то буду говорить, что у тебя начальная ступень третья.

Хм, сдержит ли он данное слово? Скорее да, чем нет. В любом случае мне придётся положиться на него, поскольку иных союзников в этом мире у меня пока нет. Зато есть сила. От осознания этого меня снова пронзила даже не игла, а целое копьё ликования. Аж волосы на руках встали дыбом, а сердце принялось отплясывать чечётку.

Однако я усмирил свои чувства и полюбопытствовал:

– Сударь, как вы считаете, откуда у меня такая ступень?

– Не знаю, даже предположить не могу. Наверное, это какой-то выверт. Бывает же, что рождается телёнок с тремя головами или курица без глаз, а у тебя вон оно как вышло. Но ты шибко не зазнавайся, да нос не задирай. Развивай свой дар. Развивай его несмотря ни на что. В жизни ведь бывают разные потрясения, но тренировки бросать нельзя даже если завтра на виселицу, – почему-то глухо закончил Илья Макарович и как-то разом постарел лет на десять. Видать, он вспомнил о скором появлении Петровых. Морщины старика стали резче, а глаза, как по волшебству, запали глубже в череп. – Ступай, Андрей, а я ещё посижу и поразмыслю, что несёт нам грядущая седмица.

– Вы не расстраивайтесь раньше времени, сударь. Всё образуется, – подбодрил я старика и хотел ещё что-нибудь добавить, но передумал.

Сейчас все слова прозвучат неискренне, поскольку на мои уста рвалась улыбка до ушей, а Илья Макарович уже мрачно размышляет над тем, чем обернётся для его семьи возвращение Петровых. На фоне такой проблемы, даже моя аномально высокая ступень выглядела бледновато. Поэтому я просто пожелал старику доброй ночи, вышел из гостиной и, приплясывая от радости, двинулся по тёмному особняку, напоминающему помесь охотничьего домика и лесного монастыря. В углах притаились чучела животных, а подле стен выстроилась массивная дубовая мебель. Воздух же пах старым лаком, пылью, древесиной и хвоей.

А когда я с широкой улыбкой стал подниматься по скрипучей лестнице, то на меня с картин уставились почившие члены семьи Астафьевых. Наверняка они никогда не видели такое чудо природы, как я. Ведь даже магический дар в этом теле появился хрен пойми откуда. У Гаврилы его сроду не было. Магия неожиданно проснулась, когда я бултыхался в речке. И, как оказалось, проснулась она в виде мощнейшего дара.

Я от избытка эмоций потряс кулаком, вошёл в свою комнату на третьем этаже и первым делом запалил керосинку, а затем подошёл к окну и увидел, что на подоконнике зачах очередной цветок в горшке. По стеклу же опять били частые капли набирающего силу дождя. Непогода стояла уже вторую неделю.

Задёрнув занавески, я уселся на кровать с жёстким матрасом и занялся магической тренировкой. Конечно, в груди бушевал настоящий вулкан, но мне всё же удалось успокоиться и отринуть эмоции. Тут же в солнечном сплетении появился комок пульсирующего тепла – это и был дар. Он являлся сложным инструментом, отдалённо напоминающим руку. Конкретно, в моём случае сильную и неуклюжую руку, способную поднять тяжеленную гирию, но не могущую нарисовать ничего сложнее крестиков с ноликами. Пока я не мог даже нормально зарядить заклинание: магический заряд выходил то слишком слабым, то невероятно мощным. А от силы заряда, естественно, зависела и сила заклинания. И вот именно над этим я и хотел сейчас поработать, но мне помешали...

В углу комнаты внезапно появилась бледная, как смерть, девушка с мёртвыми буркалами, синюшными губами и копной чёрных, слипшихся от грязи волос. Её патлы походили на извивающихся змеек, которые касались костлявых плеч, скрытых перепачканным землёй сарафаном, порванным в нескольких местах. Одна грудь девицы смотрела наружу любопытным коричневым соском. А ключицы и шея оказались покрыты засохшей кровью. На шее же красовалась чудовищная рана, будто кто-то хотел отсечь девушке голову. Казалось, что только шейные позвонки удерживают на месте голову неизвестной. Однако данный факт не помешал визитёрше оскалить гнилые зубы, вскинуть высохшие руки и со рвущим барабанными перепонками визгливым воплем кинуться на меня, не касаясь босыми ступнями пола.

Я покрылся липким потом и мигом выпал из транса. В этот же миг пропала и девка, словно её никогда и не было. Однако в моих ушах до сих пор метался вопль, похожий на визг бензопилы. Сердце же отчаянно колотилось в груди, а спину покрывали колючие мурашки холода.

– Это же призрак, – ошарашенно прошептал я себе под нос, чувствуя бегущую по венам жуть. – Откуда она взялась? И куда делась? Да и делась ли? Вдруг она до сих пор в комнате?

Я вскочил с кровати и прижался спиной к шершавой бревенчатой стене. Конечно, для призраков физические препятствия, что для меня туманная дымка, но рефлекс есть рефлекс. Человеку хочется ощущать крепкий тыл.

Теперь бы вот ещё умудриться ухнуть в транс. Из книг я знал, что мастера смерти могут видеть и слышать призраков, только находясь в транс. Однако существовали и такие призраки, которых зрили даже простые люди. Дело было в силе существа смерти. Чем большей силой оно владело – тем более... э-э-э... реальным было. Так что эта почти безголовая бабёнка, судя по всему, весьма слаба.

Последняя мысль успокоила барабанивший в висках пульс, что дало мне возможность провалиться-таки в транс и увидеть прямо перед своим лицом бледную рожу с вытарашенными буркалами и оскаленным ртом с синим языком, покрытым пятнами гнили. От неожиданности я вскрикнул, дёрнул головой и знатно приложился затылком об стену.

Тут же вместе с трансом пропал и призрак, а я зашипел сквозь зубы от боли:

– Твою мать. Точно теперь шишка будет.

Рукой провёл по пульсирующему затылку, начиная закипать от злости. Вот ведь гадина! Ну, сейчас ты получишь. Однако теперь, прежде чем войти в транс, мне пришлось сломать хребет своей злости. И лишь затем я снова вызвал это магическое состояние, готовясь увидеть перед собой рожу призрака. Но растрёпанная девица обнаружилась возле стола. Она смотрела в сторону занавесок, а за теми ослепительно вспыхивали молнии, которые освещали комнату призрачным белым светом.

– Ты кто такая? – коротко произнёс я, с трудом удерживая контроль над трансом. Архисложная задача для новичка! Мне требовалось не только держать транс, но и разговаривать во время оно. А это было что-то сродни расщеплению сознания на два потока. Один работал с магическим состоянием, а другой – вёл беседу.

– Глафира, – прошелестела девица и печально взглянула на меня.

Вся её злость куда-то пропала, глаза перестали полыхать, когти исчезли, а лицо сделалось грустным-грустным, как у накосячившего студента.

– Откуда ты тут появилась? – спросил я, не удивившись перемене её настроения. Призраки в целом походили на дам во время месячных. Они могли с кровожадным оскалом внезапно наброситься на человека из-за любой ерунды, а уже через секунду потерять к нему всякий интерес.

– В лесу почувствовала твою силу... увязалась за тобой.

– Тебя успокоить? – произнёс я, зная, что «развеивание» способно уничтожить и энергию смерти, из которой и состояли призраки.

– Боюсь, – тихонько сказала она, и её голос едва не потерялся в раскатах грома, шаркнувших прямо над особняком. Ба-бах!!! Я чуть не упустил контроль над трансом, но всё же справился. А девица продолжила, опустив голову: – Не помню, что было в загробном мире. Боюсь вернуться. Я жила несправедливой жизнью.

– А чего поднялась?

– Не ведаю. Что-то будто выдернуло меня...

– Моя сила? – просипел я, уже с трудом удерживая транс. От напряжения во рту пересохло, а по лбу покатились градины пота. Они попадали в глазные впадины и жгли зенки почище правды.

– Нет, что-то другое...

И тут вдруг в дом врзался сильный порыв ветра. Он распахнул оконные створки, повалил на пол горшок с цветком и заставил занавески испуганно затрепетать. На подоконник обрушился мощный ливень. Вода пенилась и стекала на пол, где собиралась в лужу. А я ничего не

мог сделать – если двинусь, то транс точно исчезнет. Глафира же мигнула, пропала и появилась около окна.

Она посмотрела в сторону леса, скрытого серой пеленой дождя, а затем прошелестела, словно разговаривала сама с собой:

– Помню огненное зарево. Сколько дней тому? Не ведаю. Может, два, а может, и три седмицы. Чую, что-то грядёт... Пахнет смертью.

– Что грядёт? – выдохнул я, уже не чувствуя кончик носа. Холодный ветер вовсю метался по комнате, переворачивая книжные страницы и свистя в рогах оленя, висящих на стене.

Девушка обернулась и сказала:

– Что-то страшное...

И следом растворилась в воздухе. Я тут же сбросил транс, метнулся к окну и со стуком закрыл створки. Капли дождя принялись яростно стучаться в стекло. Они разбивались и собирались в извивающиеся водяные нитки, которые скрывали пейзаж леса.

– Огненное зарево, – прошептал я и поднял горшок. Он треснул из-за падения, а часть земли осталась лежать на полу. – А не то ли это огненное зарево, что видел я? Ежели это действительно оно, то, получается, та поляна была всё-таки в этом мире, если Глафира видела пламя? А ежели и мне довелось лицезреть зарево, то выходит, что по лесу я уже точно бродил в образе призрака?

Хм-м, всё весьма запутано. И почему я сумел занять чужое тело, а другие призраки на это не способны? А ведь ещё есть Гаврила, потерявший таких же родственников, что и я. И как удачно он оказался на том утёсе. Складывается впечатление, что кто-то невероятно могущественный срежиссировал всё это мероприятие. Но кто способен на это? Бог? Так в этом мире появление бога столь же вероятно, что и в моём родном. Мда-а...

От десятков мыслей разболелась голова, а может, и от грома, который стал ещё сильнее. Из-за него звенели стёкла в оконных рамах, испуганно брехали собаки, а на чердаке в панике бегали крысы. Они будто спешно собирали вещи, чтобы переехать на другой чердак, где нет грома. А ненастье меж тем и не думало успокаиваться.

Похоже, придётся в очередной раз засыпать, словно посередине поля боя. Благо я довольно быстро справился с этой задачей.

Утром же за окном продолжал буйствовать дождь, а тяжёлое, мрачное небо, напомидало подошву ботинка, занесённого над тараканом. Мне даже из кровати не хотелось вылезать, но я сделал над собой усилие и спустился в столовую.

Длинный стол уже мог похвастаться обилием одуряюще пахнущих блюд, в камине трещало поленьями весёлое пламя, а на стульях восседала вся троица Астафьевых и какой-то худой паренёк лет двадцати. Тоже рыжеволосый, но с клочковатой бородой, острыми скулами, измождённым лицом и пронзительными синими глазами под изломанными бровями.

Незнакомец посмотрел на меня без всякого страха, хотя очки я оставил в комнате. Однако мои глаза даже не заставили его матюгнуться или дёрнуться. Видимо, Астафьевы подготовили его к встрече со мной.

– Доброе утро, Андрей, – прохрипел восседающий во главе стола хмурый Илья Макарович и указал рукой на незнакомца. – Познакомься, это мой племянник, сын почившей родной сестры, Лука Анатольевич Кантов. Он проездом к нам из семинарии на побывку домой в Петроград.

– Андрей... э-э-э... просто Андрей, – представился я, скользнув быстрым взглядом по скромной одежде парня. Она не имела никаких украшений или блестящих медных пуговиц. Обычная белая сорочка, штаны из плотной ткани и деревянный нательный крест на бечёвке.

– Все мы просто люди: и благородные, и простолюдины, и бедные, и богатые, – сказал он красивым музыкальным голосом и кивнул мне в знак знакомства.

– Лука, ты бы следил за языком. Особливо в столице, – мрачно выдал Всеволод, наворачивая деревянной ложкой гречневую кашу с мясом и сливочным маслом. – А то, не ровён час, в революционеры тебя запишут. В Петрограде снова шевеления всякие происходят, будто бомбистам не хватило прошлой Кровавой осени. Дворян тогда резали, как свиней.

– А сколько погибло простых людей?! – вскинул голову Лука, не донеся до рта смоченный в молоке кусок пшеничного хлеба.

– Да кто их считает твоих простых людей-то? Они, как мухи, снова наплодятся. А вот дворянские фамилии безвозвратно потеряли многих своих сынов и дочерей.

– Ну будет вам, будет. Не хватало ещё поссориться, – проворчал Илья Макарович, зыркнув на обоих из-под насупленных бровей.

– Да ещё в такой чудесный день, – сострил Лаврушка под уханье грома и лихо мне подмигнул. Мол, оценил?

Я кивнул и принялся половником наливать из чугунка ароматные щи из свежей капусты. Делать это приходилось собственноручно, поскольку старик Астафьев не позволял слугам прислуживать за столом, аргументируя это тем, что тогда внуки совсем разленятся.

– Илья Макарович, а вы чего не едите? – спросил Всеволод, глянув на нетронутую тарелку деда.

– Отчего не ем? Дык на любимых внуков смотрю, – попытался пошутить старик.

– Тогда бы, дедушка, вы бы только на меня и смотрели, – снова сострил Лаврушка и заработал тяжёлый взгляд старшего брата. Но паренёк не стушевался. Выпятил грудь и улыбнулся.

– Стало быть, раз повидались, то можно нам и в столицу возвращаться. Завтра снова учёба, – проговорил Всеволод. – А ежели Петровы придут, то вы, Илья Макарович, спровадьте их, а затем сразу же телефонируйте мне. Я на следующий же день примчусь и сам с ними буду вести разговор. Благо, я на хорошем счету в кадетском корпусе, так что мне позволят пропустить несколько дней.

– А если Петровы дедушку на ножи поднимут? – тревожно произнёс младший Астафьев.

– Не поднимут, – убеждённо усмехнулся старик. – Поезжайте в Петроград со спокойной душой, да Луку возьмите.

– Возьмём, – кивнул Всеволод и покосился на двоюродного брата.

– Судари, не будете ли вы против моего участия в этой поездке? – встрял я в разговор. – Мне страшно жаждется поглядеть на Петроград. Авось я что-то и вспомню.

На самом деле мне хотелось посмотреть на столицу с точки зрения начинающего предпринимателя. Что продают? Какие цены? Какой сегмент рынка проще завоевать? Если я тут застрял надолго, то мне стоит озаботиться источником дохода. А те девки, которые нарисовали пентаграмму, никуда от меня не денутся. Пара дней в этом деле погоды не сделает.

Всеволод хмуро глянул в мою сторону и рыкнул:

– В автомобиле более мест нет.

– Как же нет? – встрепенулся Лаврентий, удивлённо округлив глаза. – Имеется ещё одно.

– А где жить-то он будет?

– Андрей может переночевать в доме моего отца, – предложил Лука и осуждающе посмотрел на Всеволода. – Люди должны помогать друг другу.

– Вот-вот, – поддакнул Илья Макарович и заговорщицки подмигнул мне. – Пушай Андрей поглядит на столицу, а то киснет в провинции под одной крышей с ворчливым стариком.

Всеволод скривил лицо, будто хлебнул прокисших помоев, но деду перечить не стал. Обречённо кивнул и глухо процедил:

– Поедем как только распогодится. Надеюсь, к полудню дождь утихнет.

Глава 4.

Дождь лил как из ведра чуть ли не до самого вечера и утих только когда по серо-стальному небу стали опасливо красться первые сумерки. Тут-то и решено было наконец-то ехать в Петроград. Да, на ночь глядя, но столица раскинулась не так уж и далеко от Гати.

Перед самым отъездом Илья Макарович поманил меня пальцем и встал возле окна, выходящего во двор.

– Вы что-то хотели, сударь? – спросил я, глянув за окно. Там слуга рьяно крутил «кривой стартёр» машины Всеволода. А сам маг уже сидел за рулём в кожаных водительских крагах.

– Верно. Ты, Андрей, раз уж в Петроград собрался, то прими от старика совет. Можешь тебе пригодиться. Живёт в столице некий граф Владислав Иванович Чернов. Шибко сильный и известный мастер смерти. В университете преподаёт. Очень уважаемый человек. Годков двадцать тому назад мне выпала честь с ним познакомиться. Я тогда в одном щекотливом дельце ему помог. Но я не про то сейчас речь веду, а вот про что... Ты бы попробовал к нему на приём попасть. Он бы может и помог тебе с твоей магией: поведал бы, чего ты сам не знаешь, да и наставления какие дал.

– Благодарю. Непременно попробую перемолвиться с этим человеком.

– Ну, ступай тогда. Проща вон уже мотор завёл. Рычит этот агрегат на колёсах почище десятка медведей, – с сухим смешком произнёс старик, похлопал меня по плечу и вдруг тяжело вздохнул: – Эх-х, как же ты мне моего внука Михаила напоминаешь. Ему сейчас столько же было бы годков, ежели бы он тогда не погиб в том злосчастном дирижабле.

Я сочувствующе посмотрел на дворянина, попрощался с ним и вышел из дома с одной лишь небольшой сумкой в руках. В ней лежало только сменное нижнее бельё, помазок для бритья, футляр с запасными очками и опасная бритва – вот и всё. Мне даже не пришлось класть сумку в багажник. Я вместе с ней залез в тархтящее авто, существенно потеснив Лаврушку. Внутри оказалось офигеть как тесно. Мои колени упёрлись в переднее сиденье, на котором сидел Лука, а левый бицепс прижался к плечу Лаврентия.

– Поехали, – пробурчал Всеволод и хрустнул рычагом.

– С Богом! – выдохнул Кантов и перекрестил лобовое стекло.

– Забавно будет, ежели автомобиль на ходу поддерживают дьявольские силы и из-за этого крестного знамения он где-нибудь сломается, – иронично сказал я и глянул на приближающиеся ворота, открытые Прошкой.

– Ха-ха, – весело хохотнул Лаврушка, а Лука бросил на меня укоризненный взгляд.

Автомобиль выехал на дорогу и начал пробираться через грязь. Мотор надсадно рычал, подвеска заунывно скрипела на кочках, а внутри пахло выхлопными газами.

Благо, когда машина выбралась, скажем так, на междугороднюю трассу, стало чуть получше. Здесь дорогу не так развезло. Однако Всеволод всё равно принялся что-то недовольно бубнить под нос. А вот неугомонного Лаврентия потянуло на разговоры.

Он с придыханием произнёс, глядя на потянувшийся вдоль дороги высокий сумрачный лес:

– Андрей, я поутру с Поликарпом поговорил, так он сказал, что та отшельница самой настоящей ведьмой была. Детей ела, а ежели путник к ней какой забредал, то она его спать укладывала, а наутро шкуру спускала и стулья ей обивала.

– Глупые суеверия, – поморщился Лука.

– Да, жила тут одна отшельница, – неожиданно подтвердил Всеволод, включив фары. Они двумя жёлтыми потоками света разогнали сгустившуюся перед машиной тьму. – Но то простая травница была, пусть и нелюдимая. Пуцай Поликарп не брешет. Он горазд байки сочинять, а ежели бы ты ему чарочку налил, то услышал бы, что отшельница эта ночью в волка переки-

дывается и скот ворует. Но на самом деле она травки свои продавала разбитным крестьянкам, чтобы, значит, они могли плод вытравить или незапузатить.

– Да, много греха на ней было, – проговорил Кантов, перекрестился, вытащил крест из-за пазухи и положил его поверх сюртука.

– Продавала? – заинтересовался Лаврушка и посмотрел на меня. – А ты её призрак поднять можешь? У этой отшельницы явно же где-нибудь клад припрятан, раз девки к ней ходили.

– Не могу, – честно сказал я.

У самого в голове подобные мысли уже с неделю витают, но они были направлены не на конкретную старуху, а на всех призраков в целом. Вдруг один из них и правда знает, где клад зарыт? Пусть даже самый заваливающий. Но я пока не мог вызывать призраков или как-то их подманивать.

– Нельзя тревожить покой усопших, – строго сказал Лука, столкнув над переносицей брови.

– А как же некроманты? – бросил младший Астафьев.

– Они властвуют всего лишь над брэнной плотью, уже лишившейся души. А призраки... призраки – это другое. В семинарии говорили, что это заблудившиеся души или те у кого в мире живых остались незаконченные дела. Одни на цепи сидят, точно псы, и не могут покинуть место своей смерти, а другие свободно по миру бродят. Но все они при жизни имели магическую силу, хотя бы её крохи.

– Хватит к ночи такие разговоры вести. Накликаем ещё беду на наши головы, – проворчал Всеволод и глянул на мрачное небо, приготовившееся снова разродиться дождём.

– Глупые суеверия, – победно улыбнулся Лаврентий, ловко воспользовавшийся словами Луки. – Никого мы не накличем.

Старший Астафьев ожёг недовольным взглядом младшего. А тот непокорно вскинул голову, но дальше разговор вести не стал, посему мы поехали в молчании, слушая музыку мотора, да поглядывая на лес. А тот переменялся. Из здорового и зелёного он превратился в болезненный и хилый. Чёрные стволы украшали уродливые наросты, тут и там висели бороды седого мха, а лишённые листьев ветки тянулись к небу, будто высохшие руки мертвеца, пытающегося выбраться из могилы.

– Черноеполье, – сдавленно прошептал Лаврушка. – О нём ещё больше слухов ходит, чем о той отшельнице.

– Мда-а, удивительная у нас страна. Куда ни глянь, везде есть повод для страшных сказок, – усмехнулся я и услышал забарабанивший по крыше уже надоевший до блевоты дождь.

Вскоре в мрачных небесах засверкали молнии и загрохотал гром, вызывающий зубную боль. А позади вдруг показались быстро приближающиеся фары.

– Куда он так мчится? Дорогу же развезло, да ещё она узкая. Столкнуться легче лёгкого. Полоумный! – возмущённо выдал Всеволод и стал сбавлять скорость, плавно прижимая авто к лесу.

Нас догонял грузовик с тентом, из-под колёс которого летели ошметки грязи. И водитель даже не думал жать на тормоз. Однако он вильнул в сторону, вроде как собираясь объехать наш автомобиль, но потом резко вывернул руль и ударил бампером прямо в левую заднюю дверь машины Астафьевых.

Пронзительно заскрежетал рвущийся металл, меня швырнуло на дверь, а автомобиль закружило по раскисшей дороге. Всё слилось в один смазанный кадр: перепуганное лицо отчаянно верещащего Лаврушки, свет фар притормозившего грузовика и быстро приближающийся лес.

А вот и удар! С хрустом вылетело боковое стекло со стороны младшего Астафьева, а затем прозвучал хриплый голос Всеволода:

– Все вон из автомобиля!

Я лихорадочно открыл дверь, не удержал равновесия и грохнулся на траву. Руки по запястьям ушли в грязь, а взгляд зацепился за выскакивающих из остановившегося грузовика людей. Пелена дождя надёжно скрывала их лица, но не скрывала магию. Двое незнакомцев вызвали магический туман, начавший трансформироваться в заклятия.

– За машину! Прячьтесь за машину! – заорал я и, оскальзываясь на грязи, метнулся за тачку, полубоком вставшую к дороге.

Лука рванул следом за мной, а Всеволод с Лаврушкой уже оказались за машиной. Старший Астафьев тряхнул руками, ухнул в транс и создал между нами и автомобилем тонкий бледно-голубой полукупол. Энергоструктура! Я тут же вспомнил, что любой маг с помощью своего дара мог создавать структуры, состоящие из магической энергии дара. Подобные структуры обладали плотностью, на чём и строилось их использование. Жаль, я пока был далёк от создания такой магии. Энергоструктуры стояли на ранг выше, чем простое взаимодействие с направленностью дара, будь то управление огнём, водой или, как у меня, силой смерти.

Надо сказать, что Всеволод весьма вовремя создал полукупол. Ведь спустя мгновение в машину врезалась здоровенная шарообразная энергоструктура. Она со скрежетом вмяла транспорт в дерево, а потом прямо в салон через разбившееся лобовое стекло с гудением залетел огненный шар. Он расплескался потоками рыжего пламени, принявшимися жадно пожирать сиденья. При этом несколько капель огня упали на энергоструктуру Всеволода, которая уже отбила крошево из стекла. Полукупол справился и с огнём. Но долго ли Астафьев сможет держать его? Среди нападающих, как минимум два мага, а всего их человек семь. Попахивает могилой.

– Что им нужно от нас?! Кто это?! – лихорадочно протараторил Лаврушка. Он так же, как и все мы, на корточках попятился от горящей машины.

– Всеволод! – раздался звенящий от гнева незнакомый мужской голос. – Выходи! Не прячься, как трус! Выходи и сразись со мной в честной дуэли, а не как с моим братом! И тогда никто из твоей семьи не пострадает, даю слово! Решим всё здесь и сейчас, ежели у тебя осталась хоть капля дворянской чести!

– Павел Алексеевич Петров, – узнал голос Лука, смахнул кровь с разбитой скулы и судорожно добавил: – У него девятая ступень! Ей-богу, он погубит тебя, Всеволод. Ты не сдюжишь. Он испепелит тебя своими молниями!

Старший Астафьев решительно столкнул над переносицей брови, развеял энергоструктуру и стал подниматься с одного колена. Крылья его носа трепетали от ярости, а в глазах горел огонь. Но уже через миг его взгляд потух, когда я ударил парня по затылку подвернувшейся под руки увесистой палкой. Импровизированная дубина выбила из Всеволода сознание. Он завалился вперёд, смачно хрястнулся лбом об дерево и уткнулся в траву.

– Ты чего?! – распахнул рот младший Астафьев, отправив брови в космос.

– Подыгрывайте, – хрипло бросил я и вышел из-за машины, держа руки на виду.

На дороге бесстрашно стоял высокий парень в плаще. Его прекрасно освещали вспышки молний и полыхающий автомобиль, который злобно шипел под робкими струями небесной воды. А ещё шестеро человек предусмотрительно укрылись за ближайшими деревьями, откуда и следили за обстановкой. Причём пятеро из них держали в руках наганы. Ага, значит, магов всё-таки двое.

– Этот трус послал тебя?! – презрительно усмехнулся парень. На вид ему было лет двадцать пять. Тяжёлый подбородок, играющие под кожей желваки и полыхающие чуть ли не бешенством глаза. – Он думал, что я испугаюсь мастера смерти! Да мне плевать на тебя и таких как ты! Пусть этот вахлак натравит на меня хоть легион подобных тебе ублюдков, я не убоюсь!

Петров брызгал слюной и едва не рычал. Он сейчас был в таком состоянии, что появившись перед ним Господь Бог, он бы и его обматерил с ног до головы и назвал гребанным фокусником.

– Всеволод не может сражаться с вами, сударь, – холодно выдал я, пропустив мимо ушей оскорбления. – Он ушиб голову и потерял сознание.

– Вздор! Я видел, как он трусливо выпрыгивал из автомобиля, словно помойная крыса!

– Лука Анатольевич! – громко произнёс я.

Семинарист оказался сообразительным парнем. Он вместе с Лаврушкой волоком вытащил из леса безвольное тело старшего Астафьева. Его глаза были закрыты, а по лбу вместе с водой стекала кровь. Да, крепко он шарахнулся об дерево.

– Дьявол! – яростно прошипел Петров, сжав руки в кулаки. Его лютей взгляд буквально прожигал Всеволода, но дворянская честь не давала по-простецки перерезать ему глотку, да еще на глазах у стольких свидетелей.

– Придётся отложить дуэль до следующего раза, сударь, – заявил я, глянул на Луку и дёрнул бровью – мол, тащи Всеволода обратно в лес, чтоб глаза не мозолил.

Семинарист снова продемонстрировал свою сообразительность. Он понял меня правильно и кивнул Лаврушке – дескать, попёрли брата твоего.

Но тут прозвучал резкий голос Петрова, вскинувшего руку:

– Стоять! Ты, Лаврентий, иди сюда. Поедешь со мной. Будешь моим заложником, а то вдруг твой братец начнёт бегать от дуэли, как заяц от волка. А так он примет мой вызов, зная, что родная кровинушка у меня томится.

Твою мать! Вот хитрый урод!

– Не впутывайте сюда малолетнего ребёнка, сударь, – сурово проговорил я, сглотнув дождевую воду, попавшую в рот.

– Ты мне не указывай, выродок! Я сам знаю, что мне делать! Захочу и тебя впутаю! Секунданты мне сказывали, как победил Всеволод! Мой брат отвлёкся во время дуэли на твой крик! Да, да, на твой! Угораздило же тебя упасть с утёса именно во время дуэли, да ещё аккуратно напротив места битвы! Ежели бы не эта досадная случайность, то мой драгоценный брат был бы жив, а этот падальщик Астафьев – мёртв. Он бы никогда не победил Игоря в честной дуэли!

Ого! Вот оно, оказывается, как, а я и не знал. Уж не по этому ли Всеволод так невзлюбил меня? Считает, что я превратил в говно его победу? Думает, что все будут говорить за его спиной, будто он победил только благодаря моему крику? Возможно. Но сейчас не время думать об этом.

– Лаврентий не поедет с вами, – решительно заявил я, продолжая вести себя исключительно вежливо, хотя внутри меня всё кипело и бурлило. – Ежели вы так жаждете дуэли, то сразитесь со мной. Я так же виноват в смерти вашего брата, как и Всеволод. Дайте мне три месяца на подготовку – и я прибуду в любое место, кое вы сочтёте подходящим для дуэли.

– Да кто ты такой, молокосос?! У тебя нет ни рода, ни племени, ни имени. Ты лишь крохотный камешек, невовремя попавшийся под ноги моего брата. Какой с тебя спрос, болезный?! – выпалил Петров, часто-часто дыша. Казалось, что его сейчас разорвёт от злости. Но, к сожалению, этого не произошло. Парень крикнул, покосившись в сторону деревьев: – Михай, Влас, приведите ко мне Лаврентия! А ежели будет сопротивляться, то силком тащите!

Из-за деревьев вышли два бородатых мужика в плащах и при оружии и двинулись через дорогу.

Глядя на них, я закричал страшным голосом, старательно сверкая глазами:

– Остановитесь, иначе мне придётся призвать силы самой Смерти! В этой земле лежат сотни тел, погибших в Чернолесье. Я призову призраков, и те поглотят ваши души! Лучше отступитесь! Не играйте с мастером смерти!

Гром поставил эффектную точку в конце моей речи, а сверкнувшая молния отразилась в моих почти прозрачных глазах. Мужики замерли как вкопанные. Их пронзил суеверный страх. А вот Петров оказался покрепче.

– Что ты мелешь, припадочный? Ты сопливый юнец! О каких силах Смерти ты говоришь? Ты сейчас не способен призвать и призрак сверчка! Михей, Влас! Чего хвосты поджали?! Приведите мальчишку!

Те сдвинулись с места и робко пошли в мою сторону. А я вскинул к грозовому небу руки и заорал, отчаянно надеясь, что Луке и Лаврушке хватит ума поглубже свалить в лес, пока тяну время:

– Призраки, духи и иные существа смерти. Придите на мой зов и обрушьте свой гнев на тех несчастных, кои пересекут эту дорогу!

Мои крики снова заставили мужиков остановиться, а в воздухе буквально зазвенело напряжение. Даже те, кто стоял за деревьями, изрядно напряглись, а кто-то даже стал читать молитву. И тут боженька решил пошутить...

Все мы забыли о том, что автомобиль пожирает огонь, пусть и довольно медленными темпами, поскольку большую часть пламени затушил дождь. Однако огонька всё-таки хватило, чтобы дать прикурить баку с топливом. Конечно, машина не подлетела выше деревьев, но бабахнула ощутимо. А нервишки не у всех оказались железными. Чей-то палец дрогнул на спусковом крючке, и грохнул выстрел, а ведь все целились именно в меня...

Моё бедро обожгла боль, а изо рта вылетел непроизвольный стон. Я рефлекторно дёрнулся и прижал ладонь к обогрившейся кровью ноге. Благо пуля всего лишь прошла по касательной, разорвав штаны и вскрыв кожу.

– Вам конец, уроды! – заорал я вне себя от ярости и каким-то чудовищным усилием воли сумел соскользнуть в транс. И тут же чуть не выпал из него, увидев вокруг себя десятки прогнивших харь с чёрными пеньками зубов, провалившимися носами и свисающими лохмами кожи, покрытой трупными пятнами.

Призраки стояли вокруг меня и заунывно тянули шелестящими голосами:

– Крови... крови... сила... дай нам крови... дай нам своей крови... сила...

Я по какому-то наитию вытянул окровавленную ладонь и коротко прошептал:

– Берите и остановите любого, кто пересечёт дорогу.

Они восторженно взревели и стали один за другим пролетать через мою руку. Кровь быстро исчезла с ладони, а те, кому не досталось моей внутривенной жидкости, обиженно запричитали. Зато другие налились... э-э-э... «вещественностью». Однако в реальном мире они не проявились. Я понял это, когда выпал из транса из-за навалившейся чудовищной слабости. Она заставила меня тяжело задыхаться. Ноги сами собой затряслись и стали подгибаться.

Петров же глумливо заорал, тыча в мою сторону пальцем:

– Смотрите каков герой! Весь белый стоит! Разок пуганули, так сразу в штаны навалил!

Раздались неуверенные смешки, а Влас с Михеем уже без понуканий пошли по дороге. Но тут из-за деревьев вышел Лука, взял в руку крест и проговорил глубоким голосом:

– Не бесчинствуйте, люди! Подумайте о душе! Любые обиды пройдут! Что плоть? Тлен! Мой брат ни в чём не виноват! Значит, на то была воля Божья, раз смиренный раб Его Игорь погиб таким образом!

– Закрой рот, святоша! – рыкнул Петров, сплёвывая дождевую воду.

– Одумайтесь, вас покарает Господь!

Слова семинариста не остановили Власа с Михеем. Они синхронно ступили с дороги на траву и почти так же синхронно завопили от боли. Руки и ноги мужиков с хрустом оторвались от тела, словно кто-то неимоверно сильный дернул их в разные стороны. А потом по забрызганной кровью траве покатались и головы с вытаращенными в ужасе глазами и распахнутыми ртами. Но и это ещё было не всё. Плоть погибших продолжила разлетаться во все стороны, словно её рвала стая голодных волков. Хрустели кости, трещала одежда. Летела кровь и внутренности.

Прихвостни Петрова, видя такое дело, с криками бросились к грузовику, толкая друг друга.

– Куда вы, трусы! – заорал Петров, побелевший, как первый снег. Он сам невероятно перепугался, а потому спустя миг кинулся за своими людьми. Запрыгнул в кузов и прокричал на фоне зарывавшего мотора, заведённого с помощью «кривого стартера»: – Астафьевы, вы ещё поплатитесь за это! Не ведаю какой магией вы воспользовались, но не от Бога она! Гореть вам всем в Аду! И тебе, выродок Смерти! Я так этого не оставлю! Отомщу! Отомщу!

Последнее «отомщу» прозвучало уже совсем неразборчиво, поскольку улепётывающий грузовик скрылся за пеленой дождя. Вот и славно! Я облегчённо выдохнул и глянул на Луку. А тот стоял, как памятник туземцу, впервые увидевшему белого человека.

В его глазах царил благоговейный страх, а губы шептали:

– Это как же? Это что же... я их... того? Но как? Я же дара не имею. Не проснулся он во мне. Выходит, Господь меня услышал?

На моих губах появилась усмешка, а в солнечном сплетении заныла сосущая слабость. Призраки вместе с кровью выпили всю мою магическую энергию, едва не лишив сознания. Однако мне хватило воли для того, чтобы снова ухнуть в транс. Полупрозрачных силуэтов стало ещё больше. Они слетались сюда со всего Чернолесья, поднимались из земли и носились, будто растревоженные пчёлы. Это я их всех призвал? Нет, такого просто быть не может! Тут что-то другое! Нечто иное выдернуло их с того света. Притом весьма грубо выдернуло. Движения призраков становились все более хаотичными, злыми. И мне вспомнилась Глафира. Не об этом ли она говорила?

– Андрей! – вдруг полоснул по ушам крик Луки, сквозь тело которого пролетали призраки. У них не было сил на то, чтобы причинить ему вред. Однако хлебнувшие моей крови существа вполне были способны растерзать семинариста, но пока они не делали этого, занятые останками Михея и Власа. Но как долго они ещё будут интересны им?

– Что?! – крикнул я в ответ, выпав из транс.

– Надо улепётывать отсюда. Я чувствую нечто ужасное! Аж волосы на руках дыбом встали и холодные мурашки по спине бегут!

– Где Всеволод и Лаврентий?!

– Мы тут! – донёсся из леса голос паренька.

Он вышел из-за деревьев вместе с пошатывающимся старшим братом. И последний сразу же пронзил меня полыхающим от ярости взглядом, но я проигнорировал его и кое-как побежал вдоль дороги. Астафьевы и семинарист помчались за мной, разбрызгивая ногами лужи.

Глава 5.

В груди всё сипело и булькало, а ноги так и норовили подломиться, но я упорно продолжал мчаться дальше, да ещё умудрялся прямо на бегу впадать в транс и кидать взгляды за спину. А там в дьявольском хороводе металась призраки. К несчастью, за нашим квартетом увязался с десяток тварей. Они летали над нами, скалили остатки зубов и протягивали пальцы, покрытые трупными пятнами. Если им хватит сил, то они точно нападут. И мне не отбиться от них. Энергии ведь совсем нет. А в одиночку Всеволод явно не справится с ними.

Но нам повезло...

Стоило нашей банде пересечь черту между Чернолесьем и полем, как призраки будто врезались в невидимую стену. Они злобно завывали и ринулись обратно.

Я тотчас остановился, устало согнулся, упёрся руками в колени и просипел:

– Всё, тут мы в безопасности.

– Откуда вы знаете, Андрей? – судорожно выдал Лука, хватая распахнутым ртом воздух.

– Нет этих ваших мурашек и волосьев дыбом, сударь.

– И впрямь, – согласился со мной семинарист и глянул на тёмное небо. Оно шустро закручивало краны. Дождь стремительно ослабевал, а молнии сверкали все реже.

– От чего или кого мы бежали-то? – протараторил Лаврентий весь покрытый грязью, будто хотел слиться с пейзажем.

– Что-то страшное было на том месте, – произнёс Кантов и передёрнул узкими плечами. – Что-то витало в воздухе. Вероятно, какие-то байки о Чернолесье не просто байки.

Я краем уха слушал Луку и мрачно посматривал на Всеволода. А тот тяжело дышал, сверля меня взглядом исподлобья. Казалось, что он сейчас кинется и разорвёт меня голыми руками. Вены на его висках вздулись, словно сытые пиявки, мускулистая грудь ходила ходуном, а пальцы сжимались в кулаки.

И наконец он не совладал со своими эмоциями. Схватил меня за грудки и прошипел в самое лицо, опаяля горячим дыханием, пропитанным неконтролируемым гневом:

– Ты... ты посмел поднять на меня руку, отребье! За такое вызывают на дуэль!

– Андрей спас тебя! – закричал Лука и принялся отдирать от меня руки Всеволода.

А сам я сейчас был слабее котёнка, посему самостоятельно защититься не мог. Но зато моя физиономия вспыхнула таким презрением, что, возможно, оно-то и заставило Астафьева резко отпустить меня.

– А кто его просил вмешиваться?! А?! – прорычал он, сверху вниз глядя на семинариста. – Я сам в состоянии решать, как мне поступать! Мне помощники не нужны, тем более такие!

– И что бы ты решил, герой? – едко просипел я, снова согнувшись пополам. – А? Принял бы вызов, да? А что потом? Похороны? Петров бы тебя порвал как тузик грелку! И что дальше? Илья Макарович уже стар, а Лаврентий ещё слишком молод. Кто будет поднимать род Астафьевых?

Громко пыхтя, Всеволод ожёг меня яростным взглядом, сплюнул под ноги и ринулся вдоль дороги.

Младший Астафьев хотел было пойти за ним, но Лука схватил его за плечо и твёрдо произнёс:

– Оставь его. Пусть побудет один. Подумает. Андрей сказал правильные слова. А пока Всеволод думает, мы пойдём следом. Авось попутный автомобиль встретим.

Лаврентий посмотрел на удаляющуюся широкоплечую фигуру брата, попытался немного и всё-таки не побежал за ним, а молча почавкал по грязи рядом со мной и семинаристом.

Но буквально через пару десятков секунд паренёк выдохнул, осуждающе глянув на меня:

- Не надо было бить Всеволода по голове. Он теперь навсегда запомнит это.
- А что прикажешь было делать, а? – буркнул я, проведя рукой по мокрым волосам. Шляпа-котелок сторела вместе с машиной, как и прочие вещи всей нашей четвёрки.
- Не знаю, но не так.
- Отвергая – предлагай.
- Не знаю я, что предложить!
- То-то и оно, – цыкнул я и глянул на небо. Из-за туч показалась бледная, болезненная луна, пронзившая серебряными лучами вымытый дождём воздух.
- Лука тоже глянул на луну, суетливо перекрестился и воодушевлённо проговорил:
- Нам всем четверым непременно следует сходить в церковь и поблагодарить бога за избавление от супостатов.
- Сударь, дабы вы впредь не уповали на помощь бога, точнее, вы можете уповать, но делайте это ровно с той же надеждой на помощь, что и перед событиями около леса. Поскольку та парочка простолюдинов погибла из-за призрака, коего мне удалось временно поставить себе на службу, – витиевато выразился я. – Отсюда и все ваши мурашки и волосья дыбом.
- А-а-а, – протянул семинарист, пытаюсь скрыть разочарование, проступившее на измождённом лице. Небось, он уже посчитал, что установил прямой контакт с самим богом, а тут такой облом. Понимаю...
- А что это за призрак-то был? Чей? – деланно равнодушно спросил Астафьев, мигом загоровшийся любопытством, но ещё гневающийся на меня из-за брата.
- Да оборванец какой-то, – отмахнулся я, хлюпая грязью, попавшей в ботинки. – Меня больше заботит то, что Петровы станут делать дальше. И почему Павел Алексеевич оказался единственным из их семьи, кто участвовал в этом инциденте?
- Павел самый порывистый и безрассудный из их рода, – ответил Лука, хмурия рыжие брови. – Наверняка он действовал по собственному разумению и никого из родственников не поставил в известность, что собирается сделать.
- А сколько их всего Петровых?
- Теперь пятеро: отец, мать, два взрослых сына и дочь на выданье. Жену старшего сына и его малолетнего ребёнка считать не будем. Выходит, что их не так уж и много.
- Однако у них множество прихвостней, – вставил свои пять копеек Лаврентий, поморщившийся из-за ветерка, налетевшего со стороны поля. – Почитай половина Гати под ними. И простолюдины, и дворяне попроще служат им.
- А с чего именно началась ваша вражда? – продолжил я расспрашивать спутников и покосился на рану, уже покрывшуюся засохшей кровью. Повезло, что пуля не прошла на пару сантиметров левее. Тогда бы я так легко не отделался.
- Матушка моя перед тем как за папеньку выйти замуж отвергла Петрова, а тот в бешенство пришёл. Говорит, моя ты будешь или никому не достанешься. Он и отца моего на дуэль вызвал, когда тот руки маменьки попросил. Магией бились они, да только не смогли победителя выявить. Не убил папенька этого гада! – прошипел младший Астафьев, яростно сверкнув глазёнками. – Но женился-таки отец мой Павел на матушке, а Петров всё не унимался: жизнь им исподволь портил, чай в одном городе проживали. А спустя несколько годков папеньку моего застрелили, когда тот с Императором тогдашним турка воевать ходил. Да только застрелили его ночью, в русском лагере, когда османов вокруг и близко не было. Зато находился поблизости от того лагеря... кто бы ты думал?
- Петров? – предположил я, выгнув бровь.
- Он самый. У-у-у, подлюка! – погрозил Лаврушка кулаком в сторону Гати. – Он, он подло застрелил моего папеньку, оставив маменьку вдовой с тремя детьми малыши.
- А что же, расследования никакого не было?

– Да какое расследование? Время-то военное было, поход тем более. Списали все на происки турков. Ну а как в Гать пришла весть о том, что отец мой погиб, так маменька сразу слегла. Шибко она его любила. Полгода помучалась, а потом и пред Богом предстала.

– Она в лучшем мире, – проникновенно проговорил Лука и подбадривающе похлопал двоюродного брата по плечу. А тот шмыгнул носом, весь как-то сгорбился и опустил взгляд. Пришлось семинаристу продолжить рассказ. – С тех пор Петровы особо не докучали Астафьевым, но вы, Андрей, сами понимаете, что нынче та давняя вражда вспыхнула с новой силой. И я боюсь подумать к чему всё это может привести.

– Притом началось всё снова из-за женщины, – подметил я.

– Угу, – угрюмо поддакнул Лука, косо глянул на меня и решил провести короткий урок деторождения: – Как вы, несомненно, знаете, Андрей, начальная ступень родителей шибко важна для ребёнка. Ежели сложить начальные ступени отца и матери да поделить на два, то получится начальная ступень дара дитяти. Но в случае Устиньи Аристарховны и Всеволода, ежели они, дай бог, поженятся, всё будет не столь просто. Половин у ступеней не бывает, так что их дети получают либо вторую ступень, либо третью. А направленность дара всегда передаётся по отцу, так что огневиками они станут. Никто из них не будет водяным, как Устинья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.